

Михаил Леонович Гаспаров
Капитолийская волчица: Рим до цезарей

ОСНОВАНИЕ РИМА

В средней Италии, в низовьях реки Тибр, была область Лаций. Там жил народ латины. У латинов был город Альба Лонга; по преданию, его основали древние троянцы, бежавшие в Италию после падения Трои. В Альба Лонге были царями два брата: Нумитор и Амулий. Жестокий Амулий низложил кроткого Нумитора и стал править Альба Лонгой единовластно.

У свергнутого Нумитора была дочь Рея Сильвия. У нее родились два сына-близнеца.

— Кто их отец? — сурово спросил Амулий.

— Бог Марс, — ответила Рея. Амулий не поверил. Он приказал заточить Рею Сильвию в подземную темницу, а близнецов положить в корзину и бросить в Тибр.

Тибр был в разливе; его волны подхватили корзину, отнесли ее в тихую заводь и, спадая, оставили там на берегу. К корзине подбежала волчица — священное животное бога Марса. Она легла рядом и начала кормить младенцев своим молоком. По крайней мере, так утверждал старик пастух, который нашел корзину. Пастух взял близнецов к себе в хижину и стал воспитывать как своих детей. Назвал он их: Ромул и Рем.

Ромулу и Рему скучно было быть пастухами. Они стали разбойниками. Вокруг них собралась ватага друзей. Крестьяне любили разбойников за то, что они защищали их от притеснений Амулия. Царь приказал схватить братьев. Ромул отбился. Рема привели к царю. Царь отдал его на допрос Нумитору. Тот спросил юношу, откуда он. Рем рассказал то, что слышал от старого пастуха: о разливе Тибра, о близнецах в корзинке, о марсовой волчице. Нумитор понял, что перед ним — его внук. В это время за городской стеной послышался шум и лязг оружия: это Ромул с товарищами явился на выручку к брату. Нумитор и Рем открыли им ворота. Жестокий Амулий был убит. Царем Альба Лонги стал Нумитор, а братья-разбойники решили основать для себя и своих друзей новый город — на том месте, где когда-то их нашли на берегу Тибра.

Низкую прибрежную долину окружали три холма: Капитолий, Палатин, Авентин, а за ними виднелось второе кольцо холмов: Квиринал, Виминал, Эсквилин и Целий. На этих семи холмах и раскинулся впоследствии великий Рим. А покамест два брата заспорили, на котором из холмов лучше основать первое поселение. Ромул предлагал Палатин, Рем — Авентин. Решили разойтись и ждать знаменья богов: кто над своим холмом первым увидит шесть коршунов, тот и победил в споре, там и быть городу. Ждали всю ночь. На рассвете коршуны появились сперва над холмом Рема, потом над холмом Ромула. Но над Авентином их летало шесть, а над Палатином — двенадцать.

Снова начались споры. Наконец все же решили строить на Палатине, но Рем остался недоволен.

Основание города совершалось так. На Палатине определили место, которое будет центром города. Там вырыли яму и закопали в нее начатки плодов земных. Перед ямой прошли один за другим все товарищи Ромула и Рема, будущие граждане нового города, загорелые, оборванные и серьезные. Каждый бросил в яму горсть земли из своего родного города. Теперь каждый мог по праву сказать, что Рим — это его отчая земля. Потом плугом, описывая круг, провели границу города. Плуг был медный, везли его белый бык и белая корова, за плугом шел Ромул с пением молитв. Товарищи его шли следом и отворачивали взрезанную землю в сторону города, чтобы ни один комок не остался на чужой стороне. Где должны были быть ворота, плуг приподнимали и переносили по воздуху. Борозда была священна, а ворота священными быть не могли: через них будут возить и чистые предметы и нечистые.

Над прочерченной бороздой Ромул начал, копая ров, насыпать вал. Рем насмешливо следил за работой брата. Ромул торжественно провозгласил:

— Отныне никто никогда безнаказанно не переступит через эти стены.

Вал был едва по колено человеку. Рем расхохотался и перескочил через вал. Ромул не понимал шуток; он бросился на брата и ударил его мечом. Рем упал мертвый. Его похоронили на Авентине, там, где он мечтал основать город. Ромул остался один вождем своих друзей. Заложенный им город стал называться его именем: по-латыни Рим называется Рома.

Современные ученые-археологи относят период возникновения города к VIII в. до н. э., а римские историки высчитали даже год и день основания Рима — 21 апреля 754 г. до н. э.

Так с братоубийства началась история Рима. И когда много веков спустя Рим, мировая столица, терзался в бурях гражданских войн, люди говорили:

— Это расплата за пролитую кровь Рема.

ПОХИЩЕНИЕ САБИНЯНОК

Первыми обитателями Рима были разбойники из отряда Ромула. Их было мало. Тогда Ромул заложил на соседнем Капитолийском холме храм бога-очистителя Вейовиса. Всякий беглый раб, должник или преступник, бежавший к этому храму, становился свободным и оправданным. Прошло полгода. В Рим стал стекаться беглый люд со всего Лация. Но у них не было жен, не было детей — не на кого было оставить основанный город. Соседние города не выдавали дочерей за римлян.

— Это не народ, а шайка разбойников, — говорили они.

Нужно было добывать жен хитростью и силой.

Ромул распустил слух, будто на территории Рима найден алтарь, выстроенный неизвестному богу. Его называли Консом — богом света (отсюда и консул — советник, и консилиум — совет). В честь этой находки был объявлен праздник с играми. На него сошлись оба окрестных племени: и латины, жители приморской равнины, и сабины, жители апеннинских предгорий. Стояли, смешавшись толпой, ждали игр. Ромул взмахнул плащом — и римские юноши набросились на сабинских девушек: каждый хватал первую попавшуюся и нес, кричащую и отбивающуюся, к себе в хижину. Началось смятение, гости разбежались. Сабинянки остались в Риме — привыкать к своей судьбе пленниц и жен. А сабины приготовились к войне — наказать похитителей.

Сабинским царем был Тит Таций. Чтобы напасть на Палатин, он решил сперва захватить соседний Капитолий. Там стояла маленькая римская крепость. У ее начальника была дочь Тарпея. Римляне были бедны, а сабины богаты. Тарпея тайно обещала Тацию впустить сабинов в крепость, если каждый воин отдаст ей то, что носит на левой руке. На левой руке сабины носили золотые запястья. Она забыла, что на левой руке был еще и щит. Сабинянки радовались измене, но презирали изменницу. Тарпею забросали тяжелыми щитами насмерть. Тот капитолийский утес, где это случилось, получил название Тарпейской скалы. Отсюда потом сбрасывали в пропасть осужденных преступников.

На следующий день между Капитолием и Палатином произошло сражение. Сначала сабины теснили римлян, потом римляне теснили сабинов. Вдруг похищенные сабинянки, с распущенными волосами, в растерзанной одежде, сбежали с римского холма и бросились в гущу боя. Они бесстрашно разнимали дерущихся.

— Мы не хотим быть ни вдовами, ни сиротами! — кричали они.

Воины дрогнули, битва остановилась.

Ромул и Таций начали переговоры. Договорились, что римляне и сабины будут жить в Риме вместе, а Ромул и Таций править ими сообща. Так и стало. Но через несколько лет Таций погиб, и Ромул остался единственным царем над удвоившимся народом.

Ромул правил тридцать семь лет. Он разделил римский народ на роды и племена, учредил сенат, вел войны, одерживал победы. Он окружил себя телохранителями-ликторами: их было двенадцать, по числу коршунов, когда-то явившихся ему над Палатином.

Как он погиб, неизвестно. Говорили, что его отец Марс взял его живым на небо. Но говорили также, что его убили сенаторы, недовольные его самовластием: растерзали в храме, и каждый вынес под плащом по куску тела,

чтобы не осталось следов.

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ НУМА

Вторым после Ромула римским царем был сабин Нума Помпилий. Он был миролюбив и мудр. Ромулу приписывались все военные и политические установления в Риме, Нуме — все религиозные установления.

Нума поставил в Риме храм Януса, бога всякого начинания. В честь этого Януса начальный месяц года до сих пор называется январем. В нем стояла статуя Януса с двумя лицами, спереди и сзади: это бог смотрел сразу и в прошлое, и в будущее. В храме было только две стены, а вместо двух других — ворота. Когда шла война, то ворота были открыты и через них проходило в поход римское войско. Нума правил 43 года, и все 43 года храм Януса был закрыт: Рим жил мирно. Зато после Нумы в течение нескольких столетий храм не закрывался ни на один день: войны шли непрерывно. Во второй раз он был закрыт ненадолго лишь через 500 лет после Нумы — по окончании первой Пунической войны; в третий раз — через 700 лет после Нумы, уже при императоре Августе.

Нуме случалось встречаться и говорить с самими богами, и даже торговаться с ними. В Авентинский холм ударила молния; Нума спросил Юпитера, какую жертву следует принести на этом месте. Юпитер хотел человеческой жертвы, но не хотел об этом говорить прямо.

— Жертву головами, — сказал бог.

— Хорошо, — согласился Нума, — луковичными.

— Нет, человеческими, — сказал бог.

— Хорошо, человеческими волосами, — ответил Нума.

— Нет, живыми, — сказал бог.

— Хорошо, живыми рыбками, — уточнил Нума. Юпитер рассмеялся и перестал настаивать. А в

Риме с этих пор очищение после удара молнии всегда совершалось с помощью луковиц, волос и рыбешек.

Нума был основателем или устроителем всех главных римских жреческих коллегий: понтификов, фламинов, весталок, салиев, фециалов, не говоря уже о еще более древней коллегии луперков. Так как о самом Нуме рассказывать больше нечего, расскажем кое-что об этих жрецах.

РИМСКИЕ ЖРЕЦЫ

Понтифики были жрецами, которые осуществляли надзор за

правильностью исполнения всех обрядов. На отношения с богами римляне смотрели по-деловому: люди обязаны чтить богов установленными обрядами, боги обязаны за это помогать людям. Нарушишь обряд — лишишься помощи богов. А обряды были на редкость сложные.

Если в молитве запнуться или пропустить слово, молитва теряет силу. Поэтому для важной молитвы требовалось по меньшей мере четыре человека — один читал молитву, другой повторял за ним, третий следил за тишиной, четвертый играл на флейте, чтобы боги не слышали ничего, кроме молитвы. Жертвенные же животные должны были быть точно определенного роста и вида: если у тельца хвост не доходил до колен, он уже не годился в жертву.

Жертве посыпали лоб мукой с солью: эту муку мололи три жрицы из колосьев, собранных ими по очереди только во вторую неделю мая; а соль толкли в ступе, плавил в печи и получившийся слиток пилили железной пилой. Вино для возлияний брали только из неподрезанных лоз, с виноградника, где никогда не ступала раненая нога. Вода должна была быть ключевой, водопроводная не годилась.

Боги были обидчивы и за нарушение обрядов могли наказывать. Иногда было даже трудно догадаться, что вызвало гнев богов. Однажды в Риме начался мор (чума или еще какая-то смертельная болезнь). Спросили оракула о причине. Тот ответил:

— Это за то, что на богов смотрят сверху вниз.

Никто не понял, что это значит. Один мальчик рассказал отцу, что с верхнего этажа их дома он видел во время праздничной процессии священные предметы, лежащие на носилках. Все стало ясно. Носилки стали делать крытыми, и мор прошел.

Фламины были самые важные из жрецов. Все действия их были обставлены сложнейшими предписаниями и запретами. Фламин Юпитера не имеет права ездить верхом и смотреть на войско, не имеет права клясться и носить камень в перстне. Он не может касаться козы, собаки, плюща, сырого мяса, кислого теста и бобов и даже называть их. Огонь из его дома можно брать только для жертвоприношения. Если в его дом войдет человек в оковах, человека надо расковать, а оковы спустить на улицу через отверстие в крыше.

На одежде фламина нет ни одного узла. Стричь его должен не раб, а только свободный человек. А остриженные волосы и ногти следует зарывать в землю под деревом без хвои и без черных ягод. Ножка его кровати должна быть в грязи. На одной постели он спит не более трех дней, и больше на ней никто спать не может. Под открытым небом он ходит только в жреческой шапке. С женой развестись не может, а если жена умрет, то жрец лишается сана.

Ученые говорят, что такую сложную систему табу можно найти лишь на

самых диких островах Океании. Неудивительно, что охотников получить этот высокий сан было немного.

Весталки были жрицами Весты, богини очага, блюстительницы согласия. Ее круглый храм считался центром Рима, в нем горел неугасимый огонь. Зажигали его не по-обычному, с помощью кремня, а по-старинному — трением. Если он гас, весталок секли розгами. Их было шестеро. Весталок брали в храм семилетними девочками, на 30 лет: десять лет они учились, десять лет служили богине, десять лет учили молодых. Все это время они не могли выходить замуж. За нарушение обета девственности весталку казнили страшной казнью: заживо хоронили в подземелье. Чтобы смерть ее не пала грехом на государство, делали вид, что это совсем не казнь: ей давали с собой еды и питья на сутки. Сутки она жила, а потом умирала медленной голодной смертью.

Салии были жрецами Марса и хранителями его священных щитов. Говорят, при Нуме в Риме был мор. Царь молился о спасении богу Марсу. Тогда с неба на царский луг упал медный щит, и мор кончился. Нума понял, что в этом щите — спасение Рима. Чтобы никто не похитил щит, он приказал изготовить еще одиннадцать точно таких же: отыскать среди всех этих щитов настоящий было невозможно. Щиты хранились в храме Марса; раз в год, первого марта, салии проносили их по городу, со звоном ударяя по ним копьями, приплясывая и распевая древнюю песню, смысла которой давно никто не понимал.

Фециалы тоже служили Марсу. Когда Рим начинал войну, объявлять ее отправлялись фециалы. На Капитолии, римской твердыне, вырывали с корнями пучок травы и касались ею головы фециала: после этого он считался «названным отцом» римского народа и каждое его действие было действием народа. Он шел на границу и метал на вражескую землю железное копьё с запекшейся кровью. И только после этого римское войско переходило границу.

Все это было удобно, пока граница была в двух шагах от Рима, а когда начались войны с далеким Карфагеном или Македонией, фециалам пришлось пойти на хитрость. В центре Рима был выделен участок земли, объявлен вражеским, и фециал метал теперь свое копьё только здесь.

Луперки были жрецы бога Фавна (греческого Пана). В честь него они справляли в феврале волчий праздник — Луперкалии. В жертву богу приносили козу и собаку; окровавленным ножом касались лба двух мальчиков хорошего рода; потом кровь стирали клоком шерсти, смоченным в молоке, и пока стирали кровь, мальчики должны были смеяться. С зарезанной козы сдирали шкуру и выкраивали из нее ремни и набедренные повязки, а потом жрецы-луперки, голые, в козьей коже на бедрах и с кровавыми ремнями в руках, разбегались по городу от того места, где когда-то нашли волчицу с

близнецами. Ремнями они хлестали встречных женщин; те не уворачивались — считалось, что эти удары исцеляют от бесплодия.

Этот праздник существовал больше тысячи лет. Прошли века царей, консулов, императоров, начиналось средневековье, в Риме уже молились Христу, в Риме уже хозяйничали германцы, а по улицам города по-прежнему бегали в холодном феврале голые луперки с ремнями в руках, пока наконец Римский Папа не приурочил к этому дню чинный церковный праздник Сретенья.

РИМСКИЕ БОГИ

Богов у нас в стране такая пропасть, что легче встретить бога, чем человека.

Петроний

Мы привыкли представлять себе римских богов по образу и подобию греческих: Юпитер — это Зевс, Марс — это Арес, Юнона — это Гера, Минерва — Афина, Нептун — Посейдон и т.д. Это так. Но кроме того у римлян было множество богов, которых греки не знали. Это были боги человеческих действий и поступков. Им не ставили статуй и храмов, но о них помнили и им молились. Боги эти были маленькие и скромные, по-домашнему близкие, они не требовали богатых жертв и довольствовались скудными приношениями и возлияниями. И они сопровождали человека от колыбели до могилы.

Когда человек рождается, его приводит в мир богиня Луцина; бог Витумн дает ему жизнь, Синтин — чувства; Вагитан раскрывает ему рот для первого крика; Цинина охраняет колыбель, Руцина приучает сосать грудь; Нундина заведует девятым днем жизни ребенка, когда ему дают имя; Генета и Мана сулят ему счастливую судьбу.

Младенца отнимают от груди — и вокруг него появляется новый сонм божеств. Эдука учит его есть, Потина — пить, Куба — спать на кровати. Оссиага укрепляет его кости, а Карна — мышцы. Статина, Статин и Статилин помогают ему держаться на ногах, Абеона и Адеона — идти вперед и возвращаться назад. Интердука и Домидука — выходить из дому и приходить обратно.

Бог Фарин учит ребенка членораздельным звукам, Фабулин — словам, Локутий — фразам. Богиня Менс воспитывает в ребенке здравый смысл, бог Катий — чувство смешного; Конс учит разумным поступкам, Сентия — разумным советам. Нумерия помогает ему считать, Камена — петь, Минерва — помнить заученное. Бог Волумн воспитывает волю; ему помогают Стимула — богиня первого побуждения, Пета — богиня начинания, Стрения — богиня

преодоления препятствий, Агоний — бог исполнения. Полленция и Валенция дают силы продолжать дело, Престана или Престиций — закончить его. Любентина и Либури приносят удовлетворение после сделанной работы. Богиню надежд зовут Венилия, а богиню страхов — Павенция.

Подросток становится юношей, и его принимает под покровительство богиня юности Ювента. Он вступает в брак — этим событием заведует Юнона Пронуба. Афференда приносит в дом приданое. Домидук подводит невесту к дому жениха, Домиций вводит ее в дом, Мантурна помогает ей там жить. Если супруги ссорятся, они молятся богине Вириплаке, если у них нет детей, они просят их у богини Орбонь.

Взрослый человек занимается своими делами, прежде всего тем, которое привычнее всего трудолюбивому римлянину — земледелием. Здесь он встречается с миром новых божеств. Янус и Сатурн помогают ему в пахоте и севе; Сея Семония питает зерна, Сегетия питает росток, Волютина прикрывает его от холода. Нодут помогает ему пробиться, Пателена — развиться в колос, который оберегает Панда; Гостилия отвечает за рост колоса. Цветущие колосья находятся под покровительством Флоры, молочно-спелые — под покровительством Лактанта, дозревающие — под покровительством Матуты. Охраняет колосья от болезней бог Робиг, от сорных трав — бог Спиниент. При земледельческих работах присутствуют последовательно бог удобрения Стеркви-лин, богиня прополки Рунцина, бог жатвы Мессий, богиня гумна Тутелина, бог молотбы Нодутерент, бог помола Пилумн.

Если хозяин кроме земледелия занимается садоводством, то ему помогает Помона, если пчеловодством, то Меллона. Скотовод молится о своих овцах богине Палее, о быках — Бубоне, о лошадях — Эпоне. Когда он идет за стадом по долине, его хранит богиня Валлония, на холмах — Коллатина, на горных склонах — Асценс и Кливиенс, на вершинах гор — Монтин и Югатин.

Сельские труды приносят человеку достаток. Он уже живет своим домом, кровлю дома охраняет Арквис, двери — Форкул, дверной крюк — Кардея, порог — Яна, камень перед порогом — Лиментина и Лима. С помощью бога Аркула у него появляются сундуки в доме, с помощью богини Пекунии — деньги в сундуках: медные от бога Эскулана, серебряные от бога Аргентина; золота Рим еще не знает.

Достаток дает пожилому труженику покой и почести. О его покое заботится богиня Квиета с ее помощницами — Фессонией, укрепляющей усталых, и Пеллонией, отгоняющей врагов; почести и общественные должности приносит человеку бог Гонории.

И когда наконец, прожив свой век и сделав свое земное дело, человек умирает, то последний сонм богов провожает его в последний путь: бог Цекул

закрывает ему глаза, бог Видуй отделяет душу от тела, богиня Морта успокаивает его навсегда. Либитина помогает его хоронить, а Нения — оплакивать.

ГОРАЦИИ И КУРИАЦИИ

Рим креп и рос. Однако главным городом Лация был еще не Рим. Главным городом оставалась Альба Лонга, родина Ромула и Рема. Между Альбой, городом-матерью, и Римом, городом-отпрыском, назревала борьба за первенство.

В Риме был царем Тулл Гостилий, преемник Нумы, в Альба Лонге был царем Меттий Фуфетий, хитрый и коварный правитель. Между ними началась война. Когда войска сошлись к месту боя, Меттий Фуфетий выехал на коне вперед и обратился к римлянам с речью. Он сказал:

— Наши племена — братья, и все же мы сошлись воевать. Пусть так. Но не забудьте, римляне, что у нас с вами есть третий враг, общий и опасный. Рядом с Лацием лежит Этрурия, рядом с латинами живут этруски; они мечтают напасть на нас и только ждут, чтобы мы обессилели в междоусобной борьбе. Зачем проливать много крови? Выставим бойцов для поединка: чья сторона победит, та и будет властвовать над Лацием.

В римском войске было три брата-близнеца из рода Горациев; в альбанском было три брата-близнеца из рода Куриациев, тех же лет, тех же сил и отваги. Их поединок должен был решить исход войны. Оба войска следили за ними издали, не отводя глаз. Шесть бойцов сходились медленно, сшиблись стремительно: засверкали мечи, зазвенели щиты. Силы были равны — бились долго. Наконец старший Куриаций сразил старшего Горация, средний Куриаций — среднего Горация; только младшему из Горациев удалось убить своего врага. Победители осмотрелись. Куриациев было двое, Гораций — один, но Куриации были изранены, Гораций невредим: он был слабее двух противников вместе, но сильнее каждого из них *pote* рознь. Гораций понял, как победить. Он повернулся и бросился в притворное бегство, Куриации за ним: средний настигал, старший отставал. Вдруг Гораций повернулся и обрушился на преследователя. Застигнутый врасплох альбанец пал, тогда Гораций с криком: «Двух я принес в жертву братьям, третьего в жертву Риму!» — ударил на последнего, в изнеможении подбегающего врага. Схватка была недолгой; и вот с тремя доспехами трех врагов молодой Гораций во главе торжествующего войска двинулся в Рим.

У трех Горациев была, сестра, и она была невестой одного из Куриациев. У городских ворот она ждала, чем кончится бой. Увидев трое доспехов, увидев

гордо шагающего брата, увидев на его плечах плащ жениха, ею самую сшитый, она все поняла. Распустив волосы и ударяя себя в грудь, она зарыдала о погибшем. Гораций выхватил меч:

— Умри с твоим женихом, если друг тебе дороже братьев, если враг тебе дороже отечества!

Народ был в ужасе. Горация схватили, отвели к царю, хотели казнить. Его спасло только заступничество старика отца:

— Только что у меня было четверо детей, троих я уже лишился, не лишайте меня четвертого!

Из милости к старцу победитель Куриациев был оставлен в живых.

Меттий Фуфетий был прав. На Лаций двинулись войной этруски. Тулл Гостилий и Меттий Фуфетий вышли с войсками им навстречу. Меттий ненавидел римлян и не хотел им помогать: он хотел выждать исхода и примкнуть к победителю. Войска выстроились. Тулл повел своих римлян вперед, на вражеский строй, Меттий своих альбанцев — в сторону, к горам. Римляне смутились. Тогда Тулл Гостилий крикнул:

— Альбанцы пошли в обход врага. Это я им отдал приказ! Вперед!

Римляне ободрились, этруски встревожились. Войска сошлись, и римляне победили. Тогда Меттий с альбанцами подъехал поздравить союзника с победой. Тулл не ответил на поздравление. Он созвал оба войска на сходку.

— Меттий Фуфетий! — сказал он. — Ты первый заговорил о мире и первый его нарушил; ты вышел вместе с нами на бой — и покинул нас в бою. Твоя душа разрывалась между нами и нашими врагами; да будет так же разорвано твое тело!

Меттия привязали за руки и за ноги к двум колесницам четверней, возницы ударили коней, и кони разнесли далеко по полю разорванное тело предателя. Древняя Альба Лонга была разрушена, жители ее переселены в Рим, Рим встал во главе Лация.

КНИГИ СИВИЛЛЫ И КОРОВА АНТРОНА

В древности любили число семь. На семи холмах Рима сменилось семь царей: Ромул, Нума, Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Старший, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый. Трое последних царей были этрусками. Двое из них, Тарквиний Старший и Сервий Туллий, были возведены на престол женщиной — этрусской женщиной по имени Танаквиль.

Тарквиний был богатым этрусском, переселившимся в Рим. Сервий Туллий был его мальчиком-рабом. Танаквиль была женой Тарквиния. Этруски слыли колдунами и гадалками. Танаквиль отличалась в ведовстве больше всех. Когда

Тарквиний въезжал в Рим, с неба слетел орел, сорвал с него шапку, взмыл ввысь, а потом снова опустил шапку ему на голову. Когда Сервий спал на своей рабской подстилке в доме Тарквиния, вокруг его головы показалось пламя — он проснулся, и пламя исчезло. Танаквиль поняла, что оба знаменья предсказывали царскую власть.

Вскоре умер царь Анк Марций. Танаквиль убедила мужа выйти к народу и просить царского звания, и Тарквиний был избран царем. А Сервия Туллия она приблизила к себе и воспитала как сына. Народ любил царя Тарквиния; ненавидели его лишь два сына Анка Марция, сами надеявшиеся получить царскую власть. Дождавшись удобного случая, они напали на царя и зарубили его секирой. Сбежался народ, убийцы едва спаслись бегством; Танаквиль подхватила тело мужа и унесла во дворец. Оттуда она объявила, что царь еще жив, скоро оправится от раны, а пока назначает правителем Сервия Туллия. Сервий колебался. Танаквиль убедила его принять власть:

— Думай о том, кто ты сам, а не о том, какого ты рода.

Несколько дней Туллий правил от имени Тарквиния; потом объявили, что царь скончался, и новым царем стал Сервий Туллий.

При Тарквинии Старшем в Риме появилась еще одна жреческая коллегия: хранители сивиллиных книг. Вот как это случилось.

Однажды, когда Тарквиний сидел у очага в своем дворце, к нему вдруг зашла неизвестная старуха. В руках ее было девять свитков — девять книг; она предложила купить их за девять тысяч монет. Царь отказался. Старуха бросила три свитка в огонь — осталось шесть; она снова предложила их за те же девять тысяч монет. Царь, недоумевая, опять отказался. Старуха бросила в очаг еще три свитка, а оставшиеся три опять предложила купить за те же деньги. Царь не выдержал и купил. В свитках содержались пророчества, а старуха оказалась сивиллой, пророчицей бога Аполлона. Таких сивилл было несколько в разных концах света; эта пришла из греческого города Кум. Три ее свитка были положены в храме Аполлона, и только в самые тяжелые для римского государства минуты пятнадцать жрецов извлекали их и искали там подходящего предсказания или совета.

При Сервии Туллии в Риме произошло чудо другого рода.

В сабинской земле жил пастух Антрон. В стаде у него была белая корова дивной красоты. Гадатели сказали, что тот, кто принесет эту корову в жертву Диане на Авентинском холме, тот даст своему народу на будущие времена власть над всем миром. Сабин, радуясь за свой народ, поспешно погнал корову в Рим. Жрец Дианы сразу понял, в чем дело. Он тотчас послал за царем Сервием, а Антрону сказал так:

— Нельзя совершать жертвоприношение, не очистившись; внизу под

холмом течет Тибр, омойся.

Пастух спустился к Тибру, а тем временем подоспевший Сервий Туллий своими руками принес его корову в жертву Диане. Власть над миром была суждена теперь Риму. А рога коровы Антрона еще много веков украшали стену авентинского храма Дианы.

Конец Сервия Туллия был горький. У Тарквиния Старшего было два сына: гордый Тарквиний и мирный Аррунт. У Сервия Туллия было две дочери: кроткая Туллия-старшая, властная Туллия-младшая. Чтобы смягчить крайности их нрава, Сервий выдал старшую за Тарквиния, а младшую за Аррунта. Получилось обратное: гордый Тарквиний отравил кроткую жену, властная Туллия-младшая — доброго мужа. Потом они поженились, и дни Сервия были сочтены. С вооруженной толпой Тарквиний ворвался в сенат и сел на царское место. Дряхлый Сервий подошел к нему с укорами — Тарквиний схватил его и сбросил со ступеней здания, а внизу прислужники узурпатора зарубили старика. Туллия въехала на площадь на колеснице и первая приветствовала мужа как царя. На ее пути лежало тело Сервия — она ударила по лошадям и погнала их через труп, кровь отца забрызгала ее колесницу и одежду.

Так, злодейством началось царствование Тарквиния Гордого, последнего римского царя.

ИЗГНАНИЕ ЦАРЕЙ

Многие знают о тираноборце Бруте — убийце Юлия Цезаря. Немногие знают, что среди его предков был другой Брут, тоже тираноборец, изгнавший из Рима царей. Слово «брут» по-латыни значит дурак, тупица. Откуда у знатного римлянина такое имя?

Отец Брута Юний был один из самых богатых людей в Риме. Царь Тарквиний Гордый завидовал его богатству и решил его присвоить. Он выдал за Юния свою сестру, а потом казнил его. Имущество перешло в царскую семью. Старший сын Юния был казнен вместе с отцом. Младший, еще мальчик, остался жив. Чтобы уцелеть, он притворился слабоумным. За это его и прозвали Брутом — дурачком. Он рос, затаив мысль о мщении.

У царя Тарквиния было трое сыновей. Старший, Секст, помогал ему в правлении, а двух младших он послал с каким-то вопросом к оракулу в Дельфы. Брут был при них шутком. Покончив с делами отца, царевичи спросили оракула, кто из них будет править Римом. Оракул ответил:

— Тот, кто первым поцелует свою мать.

Царевичи уговорились вести себя честно: пусть мать при встрече сама выберет, кого поцеловать первым. Уговариваясь, они не заметили, как

стоявший рядом Брут упал, словно споткнувшись, и коснулся губами земли. Он правильно понял пророчество: речь шла о земле, общей матери всех людей.

Была война; римское войско стояло станом под городом Ардеей. Однажды за ужином три царских сына поспорили с одним из своих родственников Коллатином, чья жена лучше. Сели на коней, поскакали в Рим. Жен царевичей они застали на веселом пиру среди подруг, а жена Коллатина, прекрасная Лукреция, прядла шерсть со своими служанками и грустила о муже. Коллатин выиграл спор, но это дорого ему обошлось. Старший царевич Секст вспыхнул страстью к Лукреции. Ночью он явился к ней в опочивальню и, угрожая мечом, потребовал ее любви.

Лукреция оказалась бессильна перед насильником. Но наутро она вызвала к себе четырех самых верных своих друзей: это были ее отец, ее муж Коллатин, наш знакомый Брут и Валерий по прозвищу Публикола.

Она вышла к ним в трауре, рассказала о том, что случилось, и сказала:

— Мой позор я искуплю своей смертью, а вы, если вы мужчины, отомстите за меня!

И вынув кинжал из-под одежды, она вонзила его себе в сердце и упал а мертвой. Все были в ужасе. И тут Брут, которого считали слабоумным, первый хватает окровавленный кинжал, торжественно клянется над ним в вечной ненависти к Тарквиниям и передает его остальным. Потом все четверо бегут на площадь, к народу. Народ в Риме, войско в ардейском стане присоединяются к ним; Тарквиний с сыновьями спасаются бегством; в Риме устанавливается республика.

По расчетам римских историков, это событие произошло в 510 г. до н. э. — в то же самое время, когда пала тирания в Афинах. Первыми консулами — выборными на год правителями Рима — стали Брут и Коллатин.

Но ненависть к царскому роду была так сильна, что скоро Коллатин был отрешен от должности только за то, что он был родственником царя. Вторым консулом был избран Валерий Публикола.

Тарквиний не оставил надежды вернуться в Рим. Среди молодежи был раскрыт заговор в пользу царя. В заговоре участвовали два сына Брута. Заговорщиков должны были казнить страшной римской казнью — засечь до смерти розгами. На форуме перед консульскими креслами были поставлены столбы, к ним привязали осужденных. Народ толпился вокруг, но никто не смотрел на истязуемых, все смотрели на неподвижное лицо Брута. Заговорщики были засечены до смерти, а мертвые тела их обезглавлены. Брут смотрел на смерть своих детей не шевельнувшись.

Изгнанный Тарквиний собрал войско и пошел на Рим. Консулы двинулись ему навстречу. Перед царским войском ехал сын Тарквиния Аррунт, перед

римским Брут. Увидев друг друга, они в ярости пришпорили коней, сшиблись и, пронзив один другого копьями, замертво упали наземь. Началось сражение, долгое и кровавое. Исход его был нерешителен: каждая из сторон понесла огромные потери, каждая была готова признать свое поражение. Вдруг из ближнего леса раздался громовой голос — римляне уверяли, что то был бог Сильван:

— Римляне потеряли одним человеком меньше!

Царское войско в ужасе бросилось бежать, римляне пустились их преследовать. Так была одержана победа.

ВОЙНА С ПОРСЕННОЙ

Не нужно забывать, что Тарквинии были этрусками и могли рассчитывать на помощь своих соплеменников. Этрусский царь Ларс Порсенна с огромным войском двинулся на Рим. Началась война, прославленная тремя знаменитыми римскими подвигами. Их героями были Гораций Коклес, Муций Сцевола и девушка Клеллия.

Римляне встретили войска Порсенны перед Тибром. Был бой, римляне были разбиты и бросились отступать по деревянному мосту через Тибр. Неприятель гнался по пятам. Нужно было задержать его, пока отступающие пройдут и разрушат за собой мост. Это взялся сделать римский воин по имени Гораций Коклес. Встав перед мостом, лицом к врагу, он один бился с толпой этрусков, пока за его спиной не послышался треск обрушившегося моста. Тогда он повернулся, прыгнул в воду и поплыл к римскому берегу. Переплыть Тибр в полном вооружении, да еще израненному, да еще под градом неприятельских стрел — дело почти безнадежное. Коклес переплыл реку. Его встретили как героя. Как его наградили? Времена были бедные и нравы простые. Каждый римлянин подарил ему свой дневной паек, а государство — столько земли, сколько он мог обвести плугом за один день.

Порсенна осадил Рим. В городе начался голод. Один римский юноша решил спасти отечество, убив Порсенну. Его звали Муций. Переодевшись, он пробрался во вражеский стан, где Порсенна с советниками, сидя у жертвенника, выдавал жалованье своим воинам. Но Муций не знал царя в лицо, а расспрашивать опасался. Он ударил мечом самого богато одетого советника. Его схватили и привели к Порсенне. Молодой римлянин сказал:

— Ты можешь казнить меня, царь, но за мною придут другие, и ты не уйдешь от наших мечей.

Порсенна стал грозить дерзкому пыткой.

— Римляне умеют не только биться, но и терпеть! — сказал Муций и с

этими словами положил правую руку в горящий на жертвеннике огонь. Пламя жгло его тело, но он стоял не шевелясь, глотая душный дым, пока Порсенна, потрясенный, не приказал своим воинам оттащить юношу от жертвенника и отпустить в Рим. С этих пор его стали звать Муций Сцевола, что по-латыни значит левша.

Изумленный доблестью Муция, Порсенна заключил с римлянами перемирие. Римляне выдали ему в заложники десять юношей и десять девушек. Юноши, привыкшие к дисциплине, терпели свою участь, но девушки были возмущены. Однажды заложницы купались на берегу Тибра. Стража, спешившись, стерегла их. Вдруг одна из девушек, по имени Клелия, вскочила верхом на коня стражника и поплыла через Тибр к римскому берегу. За ней бросились вплавь остальные пленницы. Стража пускала в них стрелы, Тибр был быстр и полон водоворотов, но они доплыли до берега. Однако римляне не приняли бежавших, хотя среди них была дочь самого консула Публиколы. Это было бы нарушением перемирия. Девушек вновь отправили к Порсенне. Но он был в таком восторге от доблести Клелии, что подарил ей породистого коня в дорогой сбруе и отпустил всех заложников на родину. Римляне поставили в честь Клелии на главной улице города статую, изображавшую девушку на коне.

ВАЛЕРИЙ ПУБЛИКОЛА

Вождем римлян в годы борьбы с Тарквинием и его союзниками был Валерий Публикола. Он был последним из четверых, приносивших клятву свободы над телом Лукреции: дряхлый отец Лукреции скоро умер, Коллатин был отрешен от дел, Брут погиб в памятном бою. Прозвище Публикола означает народолюбец. Народ чтит Валерия за его победы и за то, что Валерий в свою очередь уважал народ. Он издал закон, по которому ни один консул не смел осудить на смерть римского гражданина без воли народного собрания. Консула повсюду сопровождали телохранители-ликторы с высокими пучками прутьев в руках, фасками: это был знак консульского достоинства. Публикола, выступая в народном собрании, приказывал ликторам склонять свои фаски в знак признания высшей власти народа.

У Публиколы был дом в центре Рима, больше, чем был у царя. Народ роптал. Публикола ночью снес этот дом до основания и жил у друзей, пока народ не выстроил ему новый дом.

Когда из Рима были изгнаны цари, царское поле у Тибра было посвящено богу Марсу. Было лето, на поле колосился богатый урожай, но его никто не тронул: колосья вырвали и сбросили в реку. Их нанесло на мель, занесло песком, и так среди Тибра образовался остров: вы можете видеть его на плане

Рима. Остров был посвящен богу врачевания Эскулапу: если хозяин не хотел лечить больного раба, он привозил его на этот остров, и, если раб после этого выздоравливал, он считался свободным человеком. А поле, с которого были вырваны колосья, стало знаменитым Марсовым полем — местом военных упражнений и народных собраний.

Когда Порсенна, заключив мир, отступил от Рима, он в знак доброго расположения оставил в добычу римлянам свой лагерь. В память об этом каждый аукцион в Риме с тех пор открывался возгласом глашатая:

— Продается имущество Порсенны!

В Греции все двери открывались из дома на улицу. Улицы были узкие, и перед тем, как открыть дверь и выйти, нужно было в нее постучать, чтобы прохожие посторонились. В Риме, наоборот, все двери отворялись внутрь. Только в доме Публиколы они отворялись наружу — знак, что он всегда мог ожидать от государства новых и новых наград.

Публикола первым из римских полководцев был удостоен триумфа — торжественного шествия по Риму после победы над врагом. Полководец проезжал на колеснице от городских ворот до храма Юпитера Капитолийского, где он должен был принести благодарственную жертву. За ним шло войско, несли добычу, вели пленников. Солдаты распевали песни о своем полководце. Интересно, что песни должны были быть не хвалебные, а издевательские: чтобы не сглазить успеха и чтобы полководец не зазнался.

Римляне хоронили покойников не в городе, а за городом: обычно по сторонам больших дорог. Неслучайно надгробные надписи начинались словами: «Остановись, прохожий...». Только Валерий Публикола в знак особого почета был погребен в городе. С тех пор всех умерших из рода Валериев, прежде чем нести к месту погребения, вносили в этот склеп, касались факелом гробницы Публиколы и уносили прочь. Это значит, что умерший не считает себя достойным покоиться вместе с Публиколой.

КОРИОЛАН

Рим был аристократической республикой. Были два сословия: патриции и плебеи; патриции правили, плебеи были бесправны.

В 494 г. до н. э. дошло до того, что плебеи всем сословием поднялись и ушли из Рима. Они раскинули стан на Священной горе, в трех милях от города. Патриции взволновались: плебеи составляли большую часть римского войска. На Священную гору отправили послом Менения Агриппу. Вместо речи он рассказал плебеям басню: «Однажды члены тела восстали против желудка: мы-де все трудимся, а он один забирает всю пищу. И они перестали кормить

желудок; но вместе с желудком исхудали и погибли сами. Потому что желудок не только питается, но и питает — распределяет жизненные соки по всему телу. А что для тела желудок, то для государства сенат». Басня помогла, начались переговоры. Плебеи согласились вернуться в Рим, патриции согласились, чтобы плебеи имели своих должностных лиц — народных трибунов, защитников плебейских прав.

Но были патриции, недовольные этой уступкой. Среди них оказался самый храбрый человек в Риме — Гней Марций Кориолан. Еще юношей он отличился в войне с соседями римлян — вольсками: один, с маленьким отрядом, он захватил у них город Кориолы. Полководец предложил ему в награду десятикратную долю добычи. Но Марций был горд и высокомерен: он не хотел наград от народа. Из всей своей доли он принял лишь одного пленника-вольска и тотчас отпустил его на свободу, потому что это был его друг. Тогда народ дал ему награду, от которой он уже не мог отказаться — прозвище Кориолан, по имени взятого города.

Кориолан был врагом плебеев и их заступников — трибунов. В Риме начался голод; у сената был хлеб; Кориолан потребовал, чтобы этот хлеб раздавали народу только в том случае, если народ откажется от права иметь трибунов. Когда об этом стало известно, народ пришел в ярость. Кориолана судили. Его бы могли оправдать из уважения к храбрости, но он произнес такую надменную и язвительную речь, что его приговорили к изгнанию. Он решил отомстить.

Кориолан пришел в землю вольсков и нашел дом их вождя Аттия Туллия, своего самого заклятого врага. Неузнанный, он сел у очага, а потом откинул плащ с лица, протянул Аттию руку и сказал, кто он и с чем пришел. Вольски ликовали. Их армия во главе с Кориоланом двинулась против Рима. Рим, раздираемый борьбой сословий, не мог сопротивляться. Сенат отправил послами друзей Кориолана с просьбой отступить и начать переговоры. Кориолан отказался. Римляне заперли ворота и ждали спасения только от чуда.

Тогда мать Кориолана Ветурия и жена его Волум-ния, держа за руки двух мальчиков, детей Кориолана, вышли из Рима и направились к вражескому лагерю. Кориолан выбежал навстречу и бросился к ним с объятиями. Ветурия отстранила его:

— Сперва скажи мне, к кому я пришла, к врагу или к сыну? Кто я здесь, пленница или мать? Мне горько думать, что, если бы я не родила тебя, мой город был бы свободен. Другие римлянки сейчас молятся о победе над врагом, а мы должны молиться о победе над сыном и мужем. Но пусть я не доживу до дня, когда мой сын будет справлять победу над отечеством или отечество над ним!

Кориолан дрогнул.

— Ты победила, мать, — сказал он. — Вместо меня сохрани отечество. Ты сделала выбор между Римом и твоим сыном.

Женщины вернулись в город; Кориолан снялся с лагеря и поворотил вольсков прочь от Рима.

Сенат отблагодарил спасительниц Рима. На том месте, где мать и жена говорили с Кориоланом, был выстроен храм Женской удачи, и каждый мужчина, встречая на улице Ветурию или Волумнию, должен был уступать им дорогу. А Кориолан вскоре погиб: его убили вольски, недовольные тем, что он не позволил им взять Рим. Римляне не горевали об изменнике. Только римлянки носили по нему десятимесячный траур, чтя в нем любовь к матери и жене.

ДЕЦЕМВИРАТ: АППИЙ И ВИРГИНИЯ

Защищаясь от своеволия знати, народ требовал записи действующих законов. Наконец патриции уступили. В 451 г. до н. э. была создана комиссия из десяти человек для составления и записи законов. Десять человек по-латыни — децемвиры. Им вручили на год всю власть в государстве: патриции не выбирали на этот год консулов, плебеи — трибунов.

Среди децемвиров был патриций по имени Аппий Клавдий. Он мечтал о царской власти. Но он был умен и хитер. Презирая в душе плебеев, он стал с ними заигрывать: льстил им, жал им руки, заботился о том, чтобы записанные законы были выгодны и для них. У него появились приверженцы. Законы писались на железных таблицах. Когда год кончился, Аппий доложил сенату, что десять таблиц законов уже составлены, а две еще нет. Он попросил избрать децемвират еще на один год. Народ его поддержал. Патриции предложили Аппию быть председателем на выборах новых децемвиров: они надеялись, что у него не хватит дерзости выдвинуть собственную кандидатуру, но просчитались. Первым делом Аппий произвел в децемвиры самого себя, затем людей, преданных ему и зависимых от него. После этого он сбросил маску, стал самовластен и жесток. Каждый из новых децемвиров завел по двенадцать ликторов-телохранителей. Этот отряд в сто двадцать человек с прутьями и топорами нагонял страх и на патрициев, и на плебеев. Встревоженные патриции роптали, обманутые плебеи негодовали.

Два преступления Аппия наконец истощили терпение народа. Это были убийство Сикция Дентата и похищение Виргинии. Сикция Дентата называли римским Ахиллом. Он ходил в сорок походов, бился в ста двадцати битвах, во семь раз побеждал на поединках, имел сорок пять ран в грудь и ни одной в

спину. У него было тридцать четыре доспеха, снятых с убитых им неприятелей. Военскими наградами в Риме были венки и другие украшения; у Сикция было четыре венка, восемьдесят три ожерелья, сто шестьдесят запястий, восемнадцать почетных копий, тридцать пять нагрудных блях. Он был стар, но по-прежнему смел и громко возмущался поступками Аппия Клавдия. Аппий отдал тайный приказ его убить. Сикция с шестью солдатами отправили в разведку; солдаты набросились на него врасплох; отбиваясь, он убил четверых; двое уцелевших донесли, что Сикций с товарищами погиб в стычке с врагом. Но, когда послали отряд подобрать трупы, нашли тело Сикция в полном вооружении, вокруг тела его убийц и ни одного убитого врага. Коварство децемвиров стало явным; войско бушевало.

Виргиния была дочерью плебея Виргиния и невестой плебея Ицилия. Аппий Клавдий захотел сделать красивую девушку своей любовницей. У него в свите был человек по имени Клавдий. Аппий приказал ему объявить Виргинию своей рабыней. На людной площади Клавдий подошел к девушке и приказал следовать за ним. Сбежался народ. Обоих повели на суд к Аппию Клавдию. Не дослушав дела, Аппий заявил, что Виргиния до окончательного его решения должна оставаться у похитителя. Народ шумел, женщины плакали. Тогда отец девушки попросил позволения поговорить с дочерью в последний раз. Он отвел Виргинию в сторону и вдруг, выхватив меч, вонзил ей в грудь.

— Только так, дочь моя, я могу вернуть тебе свободу! Аппий Клавдий, да падет на тебя грех этой смерти! — крикнул он.

Ликторы кинулись схватить старика, народ бросился на его защиту. Аппий спасся бегством. Негодующий народ решил покинуть Рим и вновь удалиться на Священную гору. Город обезлюдел. Сенат потребовал, чтобы децемвиры сложили звание. Консульство и трибунат были восстановлены. Аппий Клавдий должен был перед судом держать ответ за гибель Виргинии. Но он, не дожидаясь суда, покончил с собой.

Так кончилось правление децемвиров. А законы двенадцати таблиц остались и послужили основой для всего последующего римского законодательства.

ВОЙНЫ КАМИЛЛА

Войны с вольсками и другими окрестными племенами были не опасны для Рима. Главным врагом оставались этруски. Их город Вейи, такой же сильный, как Рим, и гораздо более богатый, был в одном переходе к северу от Рима. Пока Вейи не были побеждены, римляне не могли спать спокойно.

Однажды война с этим городом погубила целый римский род, древний и

знатный, — род Фабиев. Консул Фабий объявил Вейям войну. Сенат был недоволен: Рим в это время уже воевал с латинами.

— Хорошо, — гордо сказал Фабий, — тогда я и мой род берем всю эту войну на себя.

Триста шесть Фабиев со своими свитами торжественно проследовали через Рим и вышли на Вейскую дорогу. Там они построили крепостцу и оттуда в течение года опустошали этрусские земли. Наконец обозленные этруски заманили их в засаду и перебили. Погибли все; спасся только один мальчик, сын старого Фабия. Все Фабии, каких мы встретим с тех пор в римской истории, будут его потомками, в том числе и знаменитый Фабий Медлитель, который спасет Рим в Пуническую войну.

Чтобы победить, пришлось осаждать Вейи, как Трою, — десять лет с 406 по 396 гг. до н. э.. Командовал осадой лучший римский полководец Марк Фурий Камилл. Взять город удалось лишь с помощью подкопа. Этот подкоп подвел римлян к городскому храму. Из-под пола они слышали, как в храме совершалось жертвоприношение. Этруски славились умением гадать по внутренностям жертвенных животных. Жрец рассек жертву, взглянул на внутренности и радостно воскликнул:

— Победа за теми, кто завершит этот обряд!

— За нами! — закричал римский воин, выскакивая из подкопа, за ним остальные.

Этруски в ужасе бросились врассыпную. В городе началась паника. В это время затрубили трубы, и воины Камилла двинулись на приступ. Вейи пали.

За Вейями пришел черед их союзников — других этрусских городов. Римляне обложили большой город Фалерии. Горожане укрылись за городским валом и не выходили в поле. Только раз в день с вала спускалась кучка детей со стариком во главе. Это школьный учитель выводил на прогулку своих учеников. Римляне смотрели издали и не трогали их. День ото дня прогулки школьников становились все дальше, и наконец учитель с детьми по явился перед самым римским лагерем. Им навстречу вышел Камилл. Дети в страхе смотрели на обступивших их римских воинов. Низко кланяясь, учитель сказал:

— Полководец, перед тобой дети из самых знатных семейств города. Если ты хочешь взять Фалерии, пригрози их казнить или продать в рабство — и отцы их сами откроют тебе ворота.

Но Камилл смотрел мрачно:

— Связать старика! — приказал он солдатам. — Запомни, учитель: римляне воюют не с детьми, а с взрослыми и не коварством, а храбростью. А вы, дети, возьмите по хворостине и гоните вашего учителя в город, там расскажите обо всем, что видели и слышали.

В городе уже был переполох, отцы и матери рыдали. Когда они увидели перед воротами своих детей, весело погоняющих перепуганного учителя, они вздохнули с облегчением, а когда узнали, что спасителем их был Камилл, ликование стало всеобщим. В Рим были отправлены послы, они сказали:

— Для вас ваша честность выше победы, для нас ваша дружба выше свободы...

С Фалериями был заключен почетный мир. Камилл с торжеством вернулся в Рим. Что же касается школьного учителя, то о его судьбе история умалчивает.

ГАЛЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Пока римляне воевали с Вейями и Фалериями, над Италией с севера нависла новая страшная опасность. Это были галлы. В своем движении на восток они к этому времени дошли до Италии, перевалили через Альпы, разлились по долине По, вытесняя оттуда этрусков, и двинулись дальше на юг. Огромного роста, огромной силы, с косматыми волосами, в пестрых одеждах, с длинными тяжелыми мечами, под дикий вой рожков они бросались в бой с такой бешеной яростью, что никто не выдерживал их первого натиска. Правда, в долгом бою они скоро утомлялись и терялись. Но это римляне узнали лишь потом.

Орда галлов осадила этрусский город Клузий. Вождя галлов звали Бренн. Встревоженные римляне отправили к нему послов, чтобы заступиться за угнетенных этрусков. Бренн дерзко ответил:

— Не заступайтесь, римляне, за тех, кого угнетают галлы, не то придется галлам заступаться за тех, кого угнетают римляне.

На следующий день было сражение; оскорбленные послы приняли в нем участие на стороне клузийцев. Галлы это увидели: вопрос о войне с Римом был решен.

18 июля 390 г. до н. э. галлы и римляне сошлись на речке Аллии, в одном переходе от Рима. Этот день навсегда остался черным в римском календаре. Римский строй был опрокинут с первого натиска, отступавшие перебиты и перетоплены в Тибре. Немногие уцелевшие бежали в Вейи. Старики, женщины и дети покинули Рим и рассеялись по окрестным городам.

В Риме остался лишь маленький отряд, занявший крепость на Капитолийском холме. Галлы вошли в пустой город.

Восемьдесят стариков-сенаторов решили не пережить гибели Рима. Седобородые, в богатом платье, с жезлами в руках, на креслах, украшенных слоновой костью, они неподвижно сидели на площади и ждали смерти. Галлы не могли понять, люди это или статуи. Один из галльских воинов робко

потрогал длинную бороду сенатора. Тот ударил его жезлом. Это послужило сигналом — началась резня. Город запылал. Галлы собрались вокруг Капитолия и приступили к осаде.

Лучший римский полководец Камилл жил в это время в изгнании — в Ардее. Его изгнали плебеи за то, что он стоял за патрициев. Но сейчас было не до междоусобиц. Остатки римского войска, собравшиеся в Вейях, попросили Камилла принять над ними начальство. Камилл был готов, но требовалось согласие сената.

Молодой воин Коминий подплыл по Тибру к Капитолию, проскользнул мимо галльских часовых, по тайной тропе взобрался на холм и, переговорив с сенатом, вернулся тем же путем. Сенат дал согласие. Камилл стал готовиться к походу на Рим.

Тем временем галлы нашли следы Коминия на крутизне Капитолия и открыли его тайную тропу. Ночью они бесшумно полезли вверх по склону. Ночь была темная, охраны над обрывом не было, сторожевые собаки спали. Но приближение галлов слышали гуси — священные птицы из храма Юноны. Их гогот разбудил Марк Манлий, бывшего консула и храброго воина; он схватил оружие и бросился к обрыву, за ним — остальные.

Над обрывом уже показалась фигура первого галла — Манлий сшиб его в пропасть. В своем падении он увлек других галлов, остальные отступили под градом камней и стрел. Капитолий был спасен.

Так гуси спасли Рим.

В память об этом еще много лет спустя в праздничный день по городу проносили гуся в пышном уборе и собаку, распятую на кресте. А Марк Манлий получил почетное прозвище Капитолийского.

Осада утомила и осаждавших, и осажденных. Начались переговоры. Галлы обещали уйти, если им выплатят тысячу фунтов золота. На площади поставили весы, галлы и римляне столпились вокруг. Весы были галльские и показывали меньше настоящего веса. Римляне возмутились. Бренн бросил на весы свой меч и надменно крикнул: — Горе побежденным! (Мы бы сказали: «Победителей не судят!»).

Начались препирательства. Эта проволочка оказалась спасительной: пока шли споры, из Вей подоспел с войском Камилл. На развалинах Рима началась беспорядочная битва. Золото было отбито, галлы отступили, Камилл преследовал их по пятам. В восьми милях от Рима он их настиг и перебил всех до единого: некому было даже отнести в Галлию весть о поражении.

Два человека были героями этой войны: Марк Фурий Камилл и Марк Манлий Капитолийский. Друг друга они ненавидели: первый был поборником патрициев, второй защищал плебеев. Прошло несколько лет после спасения

Рима, и патриции лживо обвинили Манлия в государственной измене. Суд происходил на Марсовом поле, в виду Капитолия. Манлий простирал руки к спасенной им твердыне города. Ни у кого не хватило духу осудить героя. Тогда патриции перенесли суд в такое место, откуда Капитолий не был виден. Манлия осудили на смерть и сбросили с Тарпейской скалы — скалистого обрыва на спасенном им Капитолии.

ДВА САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ

Разоренный галлами Рим должен был заново утверждать свою власть над окрестной Италией. Этруски, по чьей земле тоже прокатились галлы, сопротивлялись слабо, зато отпали латинские союзники, которым мощь Рима давно уже была в тягость. А впереди еще была трудная борьба с воинственными апеннинскими горцами — самнитами.

Сами боги, казалось, хотели испытать волю Рима к власти. Рим выдержал испытание ценою двух самопожертвований. Этими героями стали Курций и Деций.

Было землетрясение. На римской площади треснула земля и раскрылась бездонная пропасть. Сенат приказал каждому из граждан бросить туда горсть земли. Это не помогло. Гадатели объявили, что в пропасть надо бросить то, что в Риме ценнее всего. Народ толпился над расселиной и спорил, что в Риме самое ценное. К толпе подъехал молодой воин на богато убранном коне; его звали Марк Курций. Ему объяснили, в чем дело.

— О чем спорить? — сказал он. — Есть ли в Риме что дороже, чем доблесть его сыновей?

И, пришпорив коня, он бросился в черную пропасть. Расселина сомкнулась над ним, осталась лишь небольшая трещина в земле. Ее обнесли оградой и называли с этих пор Курциевым колодцем.

Второе самопожертвование было в бою. Шла война с латинами. Римским консулам явился в видении могучий муж и возвестил:

— Одни потеряют войско, другие — полководца.

Консулами были Торкват и Деций. Они совершили жертвоприношение; гадатели сказали, что жертва Торквата угоднее богам.

— Значит, я сам буду своей жертвой, — сказал Деций.

Жрец надел на него тогу с красной каймой. Деций закрыл голову, стал ногами на копьё и произнес слова клятвы:

— Янус, Юпитер, Марс, Квирин, Беллона, Лары и вы все, боги чужие и отечественные, небесные и подземные, вам молюсь я о победе, вам я приношу в жертву себя и вражеское войско.

Он вскочил на коня, бросился в гущу врагов и упал, покрытый ранами. За ним устремилось все римское войско. Победа осталась за римлянами.

КАВДИНСКОЕ ИГО

Слово «иго» употребляется только в переносном значении — тягость, гнет, между тем у него есть и прямое значение — ярмо, деревянный хомут на рабочий скот. А в латинском языке у него было и третье значение: два копья, воткнутых в землю, и третье на них перекладиной. «Пройти под игом» означало высшую меру унижения для побежденного войска: без оружия, в одних рубахах воины поодиночке, пригибаясь, проходили меж трех копий, осыпаясь насмешками победителей.

Римлянам пришлось испытать это унижение в 321 г. до н. э. в войне с самнитами. Те заманили римское войско в Кавдинское ущелье, узкую долину меж высокими холмами, и загородили ему вход и выход — борьба была безнадежна. Консулы отправили послов объявить о сдаче. Самниты сами не ожидали такой победы. Их вождь Понтий спросил совета у своего дряхлого отца, что делать с захваченными римлянами.

— Римляне умеют мстить за поражения, — сказал старик. — Поэтому или всех отпусти, или всех перебей: в первом случае они не захотят мстить, во втором — не смогут.

Понтий погрузился в раздумья.

— Нет, — сказал он, — первого я не хочу, второго не могу: отпустить их безнаказанными не позволяет долг, перебить их не позволяет честь.

Он приказал римскому войску сдать оружие и пройти под игом. Двадцать тысяч воинов с консулами во главе прошли меж трех копий и потащились безоружно, полунагие по дороге в Рим. В город они вошли темной ночью и попрятались в домах. Консулы явились в сенат и сложили с себя должность.

— Пусть кавдинский позор ляжет только на нас, — сказали они сенату. — Объявите, что мы не имели права заключать такой договор, и выдайте нас самнитам.

Сенату это понравилось. Консулы и их помощники, присягавшие на верность договору, были отправлены к самнитам. Понтий гордо отказался их принять.

— Если Рим считает договор несостоявшимся, — сказал он, — пусть войско вернется в Кавдинское ущелье, и начнем переговоры сначала.

Война возобновилась и продолжалась с перерывами тридцать лет. Самнитов поддерживали и этруски, и галлы, и горцы северной Италии. Но враги действовали разобщенно, и война закончилась победой Рима. Крепя свою

власть, Рим заключал отдельные договоры с каждым из побежденных племен и городов: с одними более почетные, с другими более унижительные. После этого взаимная зависть и недоверие уже никогда не позволяли им объединиться против Рима. Такая политика называлась (и называется до сих пор): «Разделяй и властвуй».

Итак, война была без подвигов, будничная, медленная, упорная: из времен легенды мы вступаем во времена истории. Воспользуемся этой передышкой, чтобы немного отвлечься от истории римских войн и побед.

ПРОСТОТА ПРАВОВ

Римляне позднейших времен, когда в Рим стекалась роскошь со всего мира, любили с умилением вспоминать, в какой простоте жили их предки.

Самым знаменитым примером древней простоты считался Цинциннат. Это был старый знатный патриций, известный полководец, бывший консул. Но всем его имуществом был кусок земли — около десятины — возле Тибра. Его он обрабатывал собственными руками. В 456 г. до н. э. в трудную минуту для государства сенат назначил его диктатором — высшим и полновластным правителем республики сроком на полгода. Сенатский посланник застал Цинцинната в поле, за сохой, полуголового, покрытого пылью. Услышав, что к нему есть дело от сената, Цинциннат остановился, выпрямился и кликнул жену подать ему сенаторскую тогу. Умыв лицо и надев тогу, он спокойно выслушал весть о своем высоком назначении, повернулся и пошел в город. На следующий день он уже выступал с войском в поход, на второй разбил врага, через неделю праздновал триумф, а через десять дней, сделав все для римского народа, сложил диктаторский сан и вернулся к своей сохе.

Потомки придумали сложную историю, чтобы объяснить, почему у знатного патриция была только десятина земли. Говорили, что у Цинцинната был сын Кезон, заносчивый и дерзкий; однажды в драке он убил юношу-плебея и должен был сесть в тюрьму. По просьбе старого Цинцинната десять граждан поручились за него в 3000 монет каждый, и Кезона оставили до суда на свободе. Но он тотчас бежал из Рима. Трибуны потребовали залога; десять заступников неумолимо взыскали эти 30 000 монет с отца преступника. Тогда-то и пришлось Цинциннату распродать все свое имущество и остаться лишь с маленьким наделом. А Кезон через год будто бы вернулся в Рим с отрядом изгнанников, чтобы устроить государственный переворот в пользу патрициев: он захватил Капитолий, но был выбит оттуда и погиб.

Вряд ли нужна такая история, чтобы объяснить бедность Цинцинната. Земли у римлян в ту пору было мало, семьи большие, наделы мелкие. Такие

мелкие, что их подчас нельзя уже было больше делить. Был, например, в Риме знатный род Элиев, и шестнадцать Элиев жили в одном доме и сообща владели одним клочком земли: римляне говорили, что этому наделу нужно было меньше работников, чем у него было хозяев.

Марк Курий Дентат, победитель самнитов, сидел у очага и варил репу, когда к нему явились самнитские послы просить мира. Они принесли богатые подарки. Курий их не взял. Он сказал:

— Пока я сыт таким обедом, для меня лучше не быть богатым, а править богатыми.

Фабриций, победитель Пирра, был другом самнитов и заступался за них перед римскими властями. Когда он стал стар, самниты прислали ему подарки, чтобы он мог жить безбедно. Фабриций показал на свои глаза, уши, руки, ноги:

— Пока все это мне служит, я и так живу безбедно. Марк Атилий Регул был героем первой войны с

Карфагеном (мы еще встретимся с ним). Он возглавлял поход в Африку. Когда кончился год его консульства, сенат предложил ему командование. Регул в письме попросил лучше отпустить его: он получил известие, что у него в усадьбе умер единственный раб и больше некому кормить жену и детей. Сенат вспахал его поле за государственный счет.

Публий Корнелий Сципион был героем второй войны с Карфагеном (с ним мы тоже еще встретимся). У него также было небольшое поместье, и он жил только им. За 54 года жизни он ничего не продал и не купил.

Корнелий Руфин был диктатором и дважды консулом. И все-таки цензоры исключили его из сената. Исключили за роскошь: у него было 10 фунтов серебряной посуды (три с лишним килограмма, на наш счет). У самих цензоров из серебра были только одна чаша для жертвоприношений и одна солонка. И эту серебряную солонку передавали из дома в дом, когда принимали карфагенских послов.

Валерий Публикола и Менений Агриппа не оставили наследства даже на собственные похороны. На их погребение принес по медяку каждый из граждан.

Требования к простоте и скромности соблюдались во всем. В Риме и вокруг Рима было даже запрещено строить театры с сидячими местами, чтобы на род не приучался к изнеженности, — представления смотрели стоя.

РИМСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Мы видели, как Брут казнил своих сыновей за то, что они предали врагу, но Манлий Торкват казнил сына за то, что он победил неприятеля.

Дело было во время войны с отпавшими латинами — той самой войны, ради победы в которой принес себя в жертву консул Деций. Вторым консулом этого года был Манлий Торкват. «Торкват» значит «человек с ожерельем»: это прозвище он получил еще юношей, когда одолел в единоборстве великана-галла и снял с поверженного его окровавленное золотое ожерелье. Война с латинами была тяжелой: они только что были союзниками Рима, воины союзных армий знали друг друга в лицо, легко было принять своего за врага и врага за своего. Поэтому консул Торкват отдал приказ: никому не завязывать бой в одиночку, всем ждать общего сигнала. Нашелся один человек, который нарушил приказ. Это был сын Торквата. Его вызвал на бой начальник вражеской конницы. Юноша принял вызов, сразился и убил врага. Он поспешил к отцу:

— Ты, отец, одолел в единоборстве галла, я одолел латина.

Торкват выслушал его молча и приказал трубить сходку. Перед лицом всего войска он обратился к сыну:

— Ты нарушил воинскую дисциплину. Я люблю тебя как сына и уважаю как храбреца. Но сейчас или твоя смерть должна навсегда утвердить силу военного приказа, или твоя безнаказанность навсегда ее подорвать. Если в тебе есть хоть капля моей крови — ты не будешь колебаться в выборе.

Юношу казнили, никто не посмел вмешаться. Но, когда после победы консул Манлий торжественно вступал в Рим, навстречу ему вышли с приветом только старики: молодежь не простила ему смерти сына.

Похожая история повторилась и поколение спустя. Шла война с самнитами. Римлянами командовали два их лучших полководца — Папирий Курсор и Фабий Руллиан. Первый был диктатором, второй помощником диктатора (начальником конницы). Папирия войско не любило за суровость. Фабия любило за обходительность. Однажды в отсутствие Папирия Фабий вопреки его приказу принял бой и разбил неприятеля. Зная, что его ждет, он попросил заступничества у своего победоносного войска. Папирий яростно потребовал Фабия к ответу. Тот спрыгнул с трибуны и скрылся в рядах солдат.

Взбешенный Папирий поскакал в Рим; туда же поспешил и Фабий. Народное собрание заступилось за победителя.

— Народное собрание не имеет права отменять приказы диктатора! — заявил Папирий.

Тогда народ и сенат перестали требовать и начали просить. Фабий и его старый отец, три раза бывший консулом, бросились к ногам диктатора.

— Хорошо, — сказал Папирий, — если диктаторская власть остается непоколебленной, то я дарю Фабия римскому народу. Встань, Фабий, и гордись этим прощением больше, чем своею победой!

Дисциплина — это и умение хранить тайну. Сенаторы никогда не рассказывали женам, о чем говорилось в сенате: женщины болтливы. Один сенатор взял с собой на заседание сына-подростка. Мать решила, что от мальчика ей легче будет выведать, о чем шла речь на заседании, и стала приставать к сыну с расспросами. Сын решил схитрить.

— Обсуждали, какой лучше принять закон: чтобы каждый мужчина имел двух жен или чтобы каждая женщина — двух мужей, — сказал он.

Мать поклялась хранить тайну. Однако уже на следующий день сенат осаждала целая толпа женщин со слезным криком:

— Лучше каждой женщине двух мужей!

Сенаторы были в ужасе. Мальчик успокоил их, рассказав о своей шутке. Ему объявили благодарность, но на будущее запретили приводить в сенат детей.

Дисциплина нужна была не только на войне, но и в мирное время. Раз в несколько лет римляне выбирали двух цензоров, чтобы следить за дисциплиной и нравами. Это была самая почетная из должностей. Дважды избираться цензором было нельзя. Один раз Марк Рутилий был избран цензором вторично; в первом же своем указе он осудил весь народ за это нарушение закона. Другой раз цензором был избран Ливий Салинатор — человек, которого за несколько лет до этого судили за присвоение государственных денег. В первом же указе он выразил порицание не тем, кто его осудил, а тем, кто после этого все же голосовал за его избрание, — за легкомысленную перемену мнения.

РИМСКИЕ СУЕВЕРИЯ

Римляне славились воинской отвагой и крестьянским трудолюбием. Но еще они славились неслыханным даже в древности суеверием. О том, какие в Риме были жрецы, мы уже говорили. Теперь можно сказать, какие в Риме были гадалки. Их было две коллегии — авгуры и гаруспики.

Авгуры гадали по птицам. Когда назначались гадания, они ставили на освященном месте палатку с одним отверстием, садились там лицом к югу и наблюдали видный им кусок неба. Если птицы появлялись слева, с востока, это считалось хорошо, если с запада — плохо. Если это был орел или коршун, следили, как они летят, если сова или ворон, важно было, как они кричат. Только у совы различали десять разных криков. Сославшись на дурное знаменье, можно было отменить закон и распустить народное собрание. Плутовство здесь было обычным. Подчас римляне дивились, как может авгур на авгура смотреть без смеха. «Смех авгуров» стал поговоркой о людях, которые знают кое-что о проделках друг друга.

Святая дружба, глас природы.
Взглянув друг на друга потом,
Как цистероновы авгуры,
Мы рассмеялись тайком...

(А. С. Пушкин. Черновые строфы к «Путешествию
Онегина»)

Впрочем, сами римляне чаще упоминали в этой поговорке не авгуров, а гаруспиков — гадателей по внутренностям животных. Это была наука еще более темная, секрет ее хранили чужеземные гадатели — этруски, которым римляне не доверяли. И все же перед каждым сражением в жертву богам закалывали животное и гадали по его внутренностям. Если гадание было неблагоприятным, закалывали другое животное, третье и т. д., пока не получали добрых знамений. Иногда так убивали по несколько десятков животных. Были скотопромышленники, разводившие стада коров и овец специально для жертвоприношений: они наживали большие деньги.

На римской площади, у здания сената, стояла статуя человека в жреческой одежде и перед ней разрубленный надвое точильный камень. Говорили, что это великий авгур Атт Навий. Дело было при Тарквинии Старшем. Царь захотел проверить всеведенье гадателей. Он сказал Атту:

— Погадай-ка, пророк, может ли быть то, что я задумал.

Атт погадал и сказал:

— Может.

— Я загадал, что ты рассечешь ножом точильный камень. Вот камень. Режь!

Нож вошел в камень, как в масло, — твердый точильный камень развалился надвое. Эту историю гадатели напоминали, когда их очень уж донимали поговоркой о смехе авгуров.

Боги мстили за невнимание к знаменьям. Во время Первой Пунической войны римским войском командовал Клавдий Пульхр. Перед морским боем он велел погадать. Из походной клетки выпустили священных цыплят и насыпали им корму. Они не стали клевать — знаменье было дурным. Но Клавдий не послушался богов. Он приказал бросить цыплят в море:

— Если не хотят есть, пускай пьют! Начался бой, и римляне были разбиты.

У этого рассказа есть продолжение — но уже не столько о римских суевериях, сколько о патрицианской надменности Клавдия. После поражения сенат приказал ему сложить власть и назначить диктатора. В насмешку Клавдий назначил диктатором своего вольноотпущенника. Конечно, сенат не

утвердил назначения. Однако вольноотпущенник с этих пор до конца жизни щеголял в тоге отставного диктатора.

Сестра Клавдия была так же высокомерна, как и брат. Однажды она шла по площади в толпе. Ее толкали со всех сторон. Она воскликнула:

— О, если бы мой брат потерпел еще одно поражение и тем поубавил в Риме народу!

Ее привлекли к суду за оскорбление народа. Это была первая женщина, обвиненная в таком преступлении.

Впрочем, при умении богов можно было и обмануть. Папирий Курсор перед боем с самнитами велел погадать на цыплятах. Авгур донес, что цыплята клевали корм с жадностью. Бой уже начинался, когда вдруг Папирию сообщили, что авгур солгал: цыплята не ели.

— Это его дело, — сказал Папирий, — значит, для него знаменье было недобрым, а для меня добрым.

Так как в бою авгур погиб, а Папирий одержал победу, то решили, что он был прав.

Не было такой мелочи, которую нельзя было счесть знаменьем. У жреца Квинта Сульпиция во время жертвоприношения упала с головы жреческая шапка — жрец сложил с себя сан. Во время обрядов при назначении Фабия Максима диктатором послышался писк мыши — обряды начали сначала. Полководец Марцелл перед походом приказывал выносить себя из дому в закрытых носилках, чтобы не увидеть и не услышать чего-нибудь недоброго.

После галльского разорения сенат обсуждал вопрос, восстанавливать ли город, не перенести ли столицу в Вейи. Какой-то центурион в это время вел свой отряд по площади и, проходя мимо здания сената, скомандовал: «Стой!». Это сочли за волю богов. Рим остался в Риме.

ПИРРОВЫ ПОБЕДЫ

За покорением средней Италии пришла очередь южной Италии, за самнитскими племенами очередь греческих городов. Не надо забывать, что это были те самые греки, которые славились изнеженностью на весь мир и у которых в году праздников было больше, чем будней. Справиться с Римом собственными силами они и не пытались. Но они призвали на помощь уже известного нам царя-рыцаря Пирра Эпирского.

Воинственные эфирцы не впервые появлялись в Италии. Еще когда в Македонии правил Александр Македонский, в Эпире правил его дядя Александр Эпирский. Когда Александр Македонский двинулся завоевывать Персию, Александр Эпирский двинулся завоевывать Италию. Персы считались

народом изнеженным, италийцы мужественным. Александр Эпирский говорил:

— Племянник идет в женскую половину мира, я — в мужскую.

Италии он не завоевал и скоро погиб в сражении. Пирр был его родственником и пришел довершить его дело.

У Пирра был советник — оратор Киней, ученик Демосфена. Пирр говорил, что Киней покорил больше городов словами, чем он сам оружием. Киней спросил:

— Государь, а что мы будем делать, завоевав Италию?

— Завоюем Сицилию.

— А потом?

— Завоюем Африку.

— А потом?

— Завоюем Македонию и Грецию.

— А потом?

— Будем жить припеваючи: есть, пить и веселиться.

— Так что же нам мешает заняться этим прямо сейчас?

Пирр рассмеялся, но войну все-таки начал.

В Италии Пирр бился с римлянами в трех сражениях. Первое кончилось решительной победой, второе — не решительной победой, третье — поражением.

Первая битва была при Гераклее, в 280 г. до н. э. Пирр поменялся доспехами с оруженосцем, оруженосца убили, войско дрогнуло, думая, что пал Пирр. Тот сорвал с себя шлем и поскакал по рядам, громко окликавая солдат. Исход боя решили боевые слоны. Римляне видели их впервые и бежали в панике. объезжая поле боя и глядя на трупы врагов, Пирр сказал:

— Римляне со мной и я с римлянами могли бы покорить весь мир.

После победы Пирр послал в Рим Киней. Он предложил римлянам мир и союз, если они откажутся от своих завоеваний. Киней вез богатые подарки. Он обошел всех сенаторов, но ни один из них подарков не принял. Тем не менее сенат стал обсуждать предложение Пирра и уже готов был принять мир. Честь Рима спас старейший из сенаторов — Аппий Клавдий, потомок того Аппия Клавдия, который возглавлял децемвиров. В молодости он был знаменитым полководцем и оратором, провел в Риме первый водопровод, вымостил дорогу от Рима до Капуи, ввел в римский алфавит две новые буквы. Теперь он был дряхл и слеп, в сенат его принесли на носилках. Он произнес речь:

— До сих пор, римляне, я жалел, что лишился зрения; теперь, слыша ваши слова, я жалею, что не лишился и слуха...

Сенаторы устыдились. Предложение Пирра было отвергнуто, Киней воротился из Рима ни с чем.

— Каков показался тебе сенат? — спросил Пирр.

— Это собрание царей, — отвечал Киней. Вторая битва была при Аскуле в следующем году.

Пирр одержал победу, но понес огромные потери.

— Еще одна такая победа — и у меня не останется войска! — воскликнул он. С этих пор слова «пиррова победа» стали пословицей.

— Ты бьешься с лернейской гидрой, государь, — сказал Киней, — у римлян что ни год вырастают новые воины.

После второй битвы Пирр неожиданно оставил Италию и отправился в Сицилию. Как всегда, ему не сиделось на одном месте. С греческими городами Италии он поссорился, а греческие города Сицилии звали его на помощь против карфагян. В Сицилии повторилось то же самое. Пирр разбил карфагян, очистил от них остров, запер их в последней крепости Лилибее — но опять поссорился с греческими союзниками и, не кончив войны, вернулся в Италию. Покидая Сицилию, он сказал:

— Какое поле боя мы оставляем римлянам и карфагянам!

Третья битва Пирра с римлянами состоялась в 275 г. до н. э., при Беневенте. Это было полное поражение. Как в первой битве причиной победы, так в этой причиной поражения стали слоны. Римляне осыпали их горящими стрелами; молодой слон в первом ряду испугался и затрубил; мать-слониха, услышав голос сына, бросилась к нему, раскидывая всех на пути; ряды смешались, слоны ринулись на свои же войска; началось бегство и беспорядочная резня.

Дальнейшая борьба была невозможна. С остатками войска Пирр отчалил в Грецию. Три года спустя он там погиб в войне против Антигона Младшего за Македонию и Грецию. Во время уличных боев в Аргосе, где было так тесно, что даже пешие солдаты не могли пошевелиться, не поранив друг друга, Пирр, возвышаясь на коне, ободрял бойцов. Чтобы его было виднее, он снял свой знаменитый рогатый шлем, и тут брошенная кем-то с крыши черепица угодила ему в шею. Он упал с коня, и вражеский воин отрезал ему голову и принес своему вождю. Так нелепо погиб один из четырех самых великих полководцев древности. А города южной Италии подчинились римлянам. Власть Рима простерлась от Рубикона до Сицилийского пролива.

ПИРР И ФАБРИЦИЙ

Героем войн Рима с Пирром был Фабриций. Не потому, что он был великий полководец — он не командовал ни в одном из трех сражений римлян с Пирром. Но он был прост, суров и благороден, под-стать эпирскому

рыцарственному царю; и Пирр первый это признавал и ценил.

Когда Пирр разбил римлян в первом сражении, римлянами командовал консул Левин. В сенат принесли скорбное известие: эфирцы победили римлян.

— Нет, — спокойно поправил Фабриций, — не эфирцы римлян, а Пирр Левина.

Когда посольство Киней было отвергнуто римлянами, сенат сам послал к Пирру послов для переговоров о выдаче пленных. Во главе посольства был Фабриций. Пирр принял послов по-царски. От Фабриция он был в восторге, предложил тому перейти к нему на службу и стать первым среди его друзей.

— Не советую, царь, — сказал Фабриций. — Когда твои подданные узнают меня, они отнимут престол у тебя и предложат его мне.

Пирр отдал Фабрицию римских пленных, но с условием: если сенат отвергнет мир, пленных вернут. Условие было выполнено: после того, как возвращенные пленные отпраздновали среди родных веселый зимний праздник Сатурналий, сенат приказал им под страхом смерти вернуться к Пирру. Ни один человек не остался в Риме.

Врач Пирра послал Фабрицию тайное письмо, в котором предлагал отравить царя. Фабриций гордо отказался от вероломной услуги. Он переслал письмо врача Пирру с запиской: «Убедись, царь, что ты не умеешь видеть ни своих друзей, ни своих врагов».

Пирр воскликнул:

— Скорее солнце сойдет со своего пути, чем Фабриций с пути добродетели!

В благодарность Пирр отпустил без выкупа всех римских пленных. Фабриций не пожелал оставаться в долгу и отпустил ровно столько же эфирских пленных.

В борьбе двух благородств последнее слово осталось за римлянином.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Какое поле боя мы оставляем римлянам и карфагенянам! — сказал Пирр, покидая Сицилию.

Слова его оказались пророческими. Прошло лишь десять лет после пирровой победы — и между Римом и Карфагеном началась жестокая война за Сицилию. Римляне называли карфагенян «пунийцы». Это искаженное слово «финикийцы»: ведь Карфаген был финикийской колонией. Поэтому три великие войны Рима с Карфагеном называются Пуническими. Война за Сицилию была первой из них.

Сицилия — остров, и война за нее была морской войной. Привычки к

морским войнам у римлян не было. Когда в войне с латинами римляне взяли приморский город Анций и захватили в нем десяток военных кораблей, они не знали, что с ними делать. Они отрубили кораблям носы и украсили ими ораторскую трибуну на площади. Еще долго в Риме вместо «говорить перед народом» выражались: «говорить с корабельной трибуны».

Нужно было учиться морской войне. На берегу моря нашли выброшенную бурей карфагенскую галеру и по ее образцу сделали другие. За 60 дней было построено 120 кораблей. Обычно морской бой велся так: корабль проходил вплотную, борт о борт, мимо вражеского корабля, в щелки ломая торчащие весла, а потом разворачивался и тараном, носом в борт, прошибал и топил беспомощного безвесельного врага. К таким сложным маневрам неумелые римские моряки были неспособны. Вместо этого они — впервые в военной истории — оснастили свои суда abordажными мостиками с крючьями. Корабли цеплялись борт за борт, римские воины перебегали по мостикам на вражеский корабль и рубились на палубе, как на суше. А в таком бою они были непобедимы.

В первом же морском бою, в 264 г. до н. э., римские корабли с крючьями одержали полную победу. Римляне торжествовали. Консул Дуилий, командовавший римским флотом, получил неслыханную почесть: до конца дней его должны были сопровождать на улицах раб с факелом и раб с флейтой. В память о победе на форуме была поставлена колонна, украшенная — уже по традиции — носами неприятельских кораблей. Носы кораблей назывались «ростры», украшенная ими колонна — «ростральная колонна». Две ростральные колонны в Санкт-Петербурге, на стрелке Невы перед биржей — это отдаленные потомки той самой колонны Дуилия.

Однако главным героем Первой Пунической войны стал не Дуилий, а Марк Атилий Регул. И прославили его не победы, а стойкость при поражениях.

Римляне хотели разбить врагов на их же земле. Они послали войско в Африку. Во главе его стоял консул Регул. Карфагеняне были разбиты, Карфаген осажден.

— Я запечатал страхом ворота Карфагена, — доносил Регул.

Начались переговоры о мире, но они кончились ничем: Регул предложил слишком жесткие условия. Доведенные до отчаяния карфагеняне снова вышли на бой и на этот раз разбили Регула. Сам он попал в плен, остатки его войска погибли при кораблекрушении на обратном пути.

Но силы карфагенян были на исходе; прошло несколько лет, и они запросили мира. С просьбой о мире они послали в Рим не кого иного, как пленного Регула. С него взяли клятву: если мира не будет, он вернется в плен. Расчет был верен: сенат был готов на любые условия, чтобы только спасти

Регула. Но ему самому была дороже победа, чем спасение. Он призвал сенаторов не к миру, а к войне: карфагеняне слабеют, победа близка, а его, Регула, жизнь — недорогая плата за торжество над не приятелем. Ему предложили остаться — он не захотел нарушить клятву. Жрецы обещали именем богов снять с него клятву — он отвечал, что хочет быть честным не перед богами, а перед людьми. Жена и дети просили увидиться с ним, но он отказался, чтобы жалость к ним не заставила его переменить решение. Он вернулся в Карфаген, зная, что идет на верную смерть.

Теперь вам будет понятнее насмешка Пушкина в рассказе о забияке и трусе Зарецком в «Евгении Онегине»:

И то сказать, что и в сраженьи Раз в настоящем упоеньи Он отличился, смело в грязь С коня калмыцкого сваясь, Как зюзя пьяный, и французам Достался в плен: драгой залог! Новейший Регул, чести бог, Готовый вновь предаться узам, Чтоб каждым утром у Верни В долг осушать бутылки три.

Карфагеняне казнили его страшной казнью. Ему отрезали веки и вывели из черной темницы на яркое солнце. Он ослеп. Его заколотили в узкий ящик, утыканный гвоздями так, что он не мог никуда прислониться. Здесь он умер от боли, бессонницы и голода.

Римляне отомстили за смерть Регула, выдав его жене и детям знатнейших карфагенских пленников. Все они были замучены в таких же ящиках с гвоздями: око за око, зуб за зуб.

ГАМИЛЬКАР И ГАННИБАЛ

Первая Пуническая война завершилась победой римлян. Сицилия, вытопанная и выжженная двадцатитрехлетней войной, досталась Риму. Обоим противникам было ясно, что борьба на этом не кончилась. На очереди была вторая Пуническая война.

Считается, что во Второй Пунической войне с Римом воевал Карфаген. На самом деле с Римом воевал, по существу, лишь один карфагенский род — род Баркидов: Гамилькар Барка и его сыновья. Так когда-то в Риме род Флавиев воевал с Вейями. Но там это была мелкая пограничная война, длившаяся какие-нибудь два года, а здесь — одно из величайших военных противостояний древности, едва не опрокинувшее Рим.

Прозвище Барка означает «молния». Гамилькар Барка был одним из самых знатных и богатых вельмож в Карфагене. На свои деньги он содержал огромное наемное войско. Только благодаря ему и его войску Карфаген смог так долго продержаться в Первой Пунической войне. Завистливые и своекорыстные карфагенские вельможи его ненавидели. Чтобы быть от них подальше,

Гамилькар со своими войсками двинулся на завоевание Испании. За семь лет, с 236—229 гг. до н. э., вся Испания от Гибралтара до Эбро стала карфагенской, а Гамилькар единственным ее правителем. Здесь он готовил войска и копил силы для войны с Римом. Лет через 50 в Испании, к тому времени уже римской, был наместником Катон Старший, злостный ненавистник карфагенян. Увидев следы построек и дорог Гамилькара, даже он был вынужден признать: «Ни один царь недостойн стать рядом с Гамилькаром».

Когда Гамилькар выступал в Испанию, его старшему сыну Ганнибалу было десять лет. Отец приносил жертвы перед походом, он подвел сына к жертвеннику и взял с него священную клятву — быть вечным врагом ненавистного Рима. Ганнибал сдержал эту клятву. Слова «Ганнибалова клятва» стали пословицей.

Римский историк пишет о Ганнибале так: «Не было такого труда, при котором он уставал бы телом или падал духом. Зной и мороз переносил он с равным терпением; ел и пил для поддержания сил, а не для удовольствия; спал, завернувшись только в воинский плащ, не нуждаясь ни в постели, ни в тишине. Одеждой он не отличался от всех, только по вооружению и коню его можно было узнать. Перед опасностью был он смел, в опасности — осмотрителен; первым устремлялся в бой, последним покидал поле». Справедливость его была такова, что за двадцать лет его командования в его огромном, разношерстном наемническом войске не было ни одного мятежа — дело неслыханное. Римляне обвиняли Ганнибала в «сверхпуническом» коварстве и вероломстве, но ни одного примера этому их историки привести не могли.

Ганнибалу было 26 лет, когда он принял власть над испанской армией, и 28, когда он выступил в поход против Рима. Рим отправил в Карфаген послов и потребовал выдать Ганнибала. Карфагеняне отказались. Главу посольства звали Фабий Максим. Подобрав подол своей тоги, он сказал:

— Здесь я несу вам мир или войну. Выбирайте!

— Выбирай сам, — отвечали карфагеняне. Фабий опустил тогу и воскликнул:

— Я оставляю вам войну!

В 218 г. до н. э. Ганнибал перешел Пиренеи, перешел Рону, перешел Альпы. Современники и потомки не уставали дивиться, как мог он с огромным войском, с конницей, со слонами преодолеть Альпийские горы, крутые, обледенелые, уходящие острыми вершинами в облака. Говорили, что он прокладывал себе дорогу, разрыхляя скалы: раскалял их огнем, поливал уксусом и затем срывал лопатами.

Когда Ганнибал выходил из Испании, у него было 60 000 войска; когда он спустился с Альп в Италию, у него оставалось только 25 000 человек,

измученных, истощенных, обессиленных переходом, а впереди был бой с сильным и свежим римским войском. Нужно было ободрить солдат. Ганнибал велел вывести к войску нескольких галлов, взятых в плен в Альпах, и предложил им биться друг с другом: кто погибнет — погибнет с честью, кто победит — получит оружие и будет служить в карфагенском войске. Галлы радостно согласились. Глядя на их поединки, воины Ганнибала раззадорились, глаза загорелись, слышались воинственные крики.

— Такова и наша судьба, — сказал солдатам Ганнибал. — Позади Альпы, впереди враг; нам остается победа или смерть.

И карфагенское войско двинулось навстречу римскому.

ФАБИЙ МЕДЛИТЕЛЬ

В северной Италии против Ганнибала вышли два римских войска; он их разбил. В средней Италии против него вышло новое войско; он окружил его и уничтожил. В Риме началась паника. Говорили о страшных знаменьях: шестимесячный ребенок крикнул: «Триумф!»; бык взбежал на третий этаж и, прыгнув оттуда, разбился о площадь; статуя Юноны шевельнула копьем; щиты потели кровью; в Пиценской области шел каменный дождь... Нужно было избрать диктатора, чтобы он отмолил гнев богов и отразил силу Ганнибала.

В 217 году до н. э. диктатором был избран сенатор Фабий Максим — тот самый, который послем принес в подоле своей тоги в Карфаген войну. Богам была обещана «священная весна»: весь приплод коз, свиней, овец и коров, который родится в этом году. Оставалось отразить Ганнибала.

У Ганнибала было опытное, закаленное войско, у римлян — наскоро созванное ополчение. Но войско Ганнибала сражалось на чужой земле, без подкреплений и постепенно таяло, а римляне могли каждый год призывать на службу новых и новых воинов. Это значило, что Ганнибал должен был вести войну на сокрушение, римляне — войну на измор. Ганнибал хотел вызвать римскую армию на решительный бой, разбить ее, поднять против римлян италиков и общими силами овладеть Римом. Римлянам следовало уклоняться от боя, тревожить Ганнибала мелкими нападениями и ждать, пока он обессилеет. Фабий Максим был первым, кто это понял.

Ганнибал шел через Италию с севера на юг, разоряя римские города. Фабий следовал за ним. Солдаты роптали, но Фабий оставался спокоен. Ему сказали:

— Тебя считают трусом. Он ответил:

— Трусом я был бы, если бы больше боялся вас, чем неприятеля.

У диктатора Фабия был помощник Минуций. Он негодовал и рвался в бой.

Народ приказал Фабию и Минуцию разделить войско пополам. Разделяя войско, Фабий сказал Минуцию:

— Помни одно: твой враг не Фабий, а Ганнибал.

Не прошло и нескольких дней, как Минуций с войском попал в засаду и был на краю гибели. Фабий подоспел и спас его; больше тот не пытался отделяться.

— Храбростью ты победил врагов, великодушием — товарища, — сказал он Фабию и подчинился ему.

Однажды Фабию удалось окружить Ганнибала в холмистой местности. Ганнибал спасся хитростью. Маленький отряд карфагенян выскользнул из окружения, захватил стадо быков и ночью, привязав им к рогам факелы, погнал животных на римский лагерь. По толчее огней римляне подумали, что враг вырвался и подступает. Сторожевые посты разбежались, и Ганнибал беспрепятственно вывел свои войска.

Фабий договорился с Ганнибалом о выкупе пленных. Сенат отказался выкупать тех, у кого не хватило храбрости пасть в бою. Фабий продал свои поместья и выкупил пленных за свой счет.

Фабия прозвали «Медлитель»; сперва прозвище было позорным, потом стало почетным. Поэт Энний, описавший историю Рима в стихах, говорит о Фабии Медлителе:

Тот, кто нам одним промедленьем
выправил дело.

Так оно и было, но ненадолго.

КАННЫ

После диктатуры Фабия Медлителя консулами стали Эмилий Павел и Теренций Варрон. Эмилий был осторожен, как Фабий, Теренций рвался в бой, как Минуций. Напутствуя Эмилия Павла, Фабий сказал:

— Тебе придется бороться скорее с Теренцием, чем с Ганнибалом: оба спешат дать бой, первый, не зная вражеских сил, второй — зная собственную слабость.

Бой, к которому рвался Теренций, произошел при Каннах в 216 г. до н. э. Нет нужды пересказывать, как Ганнибал отступил центром, ударил на вражеские фланги, окружил и уничтожил римское войско. Напомним одно: войско римлян было гораздо многочисленнее, а окружать большее войско меньшим всегда рискованно.

Когда войска сходились, друг Ганнибала Гискон задумчиво произнес:

— Я удивляюсь, как их много.

— А я знаю кое-что удивительнее, — отозвался Ганнибал.

— Что?

— То, что во всем их множестве нет никого по имени Гискон.

Все рассмеялись, шутку стали передавать дальше, и все войско ободрилось.

Эмилий Павел погиб в бою. Теренций спасся. С Эмилием погибла лучшая часть римской конницы. Когда, израненный, он не мог больше сидеть на коне, за ним стала спешиваться его свита, за ней, не разобравшись, и вся конница.

— Я так и хотел, — тихо произнес Ганнибал. — Это лучше, чем брать в плен.

Умирая, Эмилий сказал:

— Передайте Фабрицию, что Эмилий не изменил присяге, но был разбит сперва Теренцием, потом Ганнибалом.

Поле боя было завалено трупами. Знаком всаднического сословия в Риме было золотое кольцо. Таких колец карфагеняне собрали с убитых полную хлебную меру; Ганнибал отослал ее в Карфаген.

Теренций Варрон, опозоренный, прискакал в Рим. Сенаторы встретили его у ворот и хвалили за то, что он не отчаялся в спасении государства.

Были приняты меры против паники. Сенат запретил собираться на улицах группами, чтобы люди не начинали плакать по погибшим. Кто горевал, тот мог оплакивать своих в своем доме тридцать дней. После этого всякая скорбь воспрещалась.

Ганнибал предложил сенату разменять или выкупить пленных. Сенат отказался:

— Римской армии трусы не нужны.

Гонцами Ганнибала были десять римских пленников, он взял с них клятву вернуться в лагерь. Вернулись все, кроме двоих. Эти двое схитрили: выйдя из лагеря Ганнибала, они вскоре вернулись, словно что-то забыв, и уже потом направились в Рим, считая, что теперь они свободны от клятвы. Они остались в Риме; сенат не неволил их возвращаться, но все относились к ним с таким презрением, что вскоре оба покончили жизнь самоубийством.

После битвы при Каннах Магарбал, начальник карфагенской конницы, сказал Ганнибалу:

— Отпусти меня с моими конниками в погоню — и клянусь, что через четыре дня ты будешь пировать на Капитолии.

— Нет! — ответил Ганнибал, а Магарбал горько добавил:

— Видно, боги не дают человеку все сразу ты, Ганнибал, умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться победой.

Но это было не так.

ГАННИБАЛ У ВОРОТ

Когда в карфагенский сенат пришла весть о победе при Каннах, весь народ ликовал. Был мрачен один лишь старый сенатор Ганнон, давний враг Гамилькара и Ганнибала.

— А италики отложились от Рима? — спросил он.

— Нет, — ответили гонцы.

— Тогда просите мира, — сказал Ганнон.

Ганнон был прав. Весь расчет Ганнибала строился на том, что после поражения римлян италики перейдут на его сторону. Расчет не оправдался: италийские племена, даже после Канн, больше боялись близкого Рима, чем надеялись на далекий Карфаген. К Ганнибалу примкнули лишь отдельные племена и города, но сил у них было мало. Союзником его стал второй после Рима город Италии — Капуя, но от этого было больше вреда, чем пользы: в роскошной Капуе армия только изнежилась и обленилась. По крайней мере, так думали римляне: «как Ганнибал в Капуе» стало у них поговоркой.

Третьим после Рима и Капуи городом Италии был Тарент. Ганнибал завладел им хитростью. В городе нашелся предатель по имени Филемон, страстный охотник. Несмотря на осаду, он с друзьями часто выходил по ночам на охоту. Сторожа его пропускали через дверь в городской стене, за что он оставлял им часть добычи. Однажды, возвращаясь с охоты, Филемон привел за собой карфагенский отряд. Сторожа, любовавшиеся убитым кабаном, были заколоты в спину, а утром город оказался во власти Ганнибала.

Уцелевшие остатки римского отряда заперлись в городской крепости. Но прошло три года, и римляне отбили Тарент, тоже с помощью предательства. Один из участков городской стены оборонял отряд италиков, примкнувших к Ганнибалу. У начальника отряда была любовница, у любовницы — брат, служивший в римском войске. Начались тайные переговоры, и скоро римляне оказались в городе. Началась жестокая резня; первыми погибли предатели-италики, чтобы никто не знал, что город взят не храбростью, а изменой.

Ганнибал сказал:

— Не иначе, у римлян есть свой Ганнибал: как мы захватили Тарент, так и потеряли.

Освободителем Тарента был старый Фабий Максим, начальником отряда, державшегося в городской крепости, был Максим Ливий. Ливий утверждал, что

это ему обязано римское государство спасением Тарента. Фабий насмешливо заметил:

— Ты прав. Я бы никогда не взял города, если бы ты не потерял его.

Лучшим из римских военачальников, воевавших с Ганнибалом, был Марк Клавдий Марцелл, человек замечательной силы и храбрости. Еще до войны с Ганнибалом, сражаясь с галлами, он по-старинному вступил в единоборство с галльским великаном-вождем и одолел его. Таких победных единоборств полководца с полководцем в римской истории было только три: первым победителем был Ромул, вторым Корнелий Косс, воевавший с Вейями, третьим Марцелл. Теперь Марцелл оказался первым, кто нанес после Канн поражение карфагенянам в небольшой битве. Ободренные римляне говорили, что Фабий Максим — это щит Рима, а Марк Марцелл — меч Рима. Ганнибал признавался:

— Фабия я боюсь как дядьку, Марцелла — как врага; первый не дает мне делать дурного, второй сам делает мне дурное.

Однажды солдаты Марцелла потерпели поражение. Марцелл собрал бежавших:

— Сегодня я видел много мертвых римлян и ни одного живого. Готовьтесь к бою завтра, чтобы в Риме раньше услышали о победе, чем о поражении.

Узнав об этом, Ганнибал сказал:

— Марцелл-победитель не щадит других; Марцелл-побежденный — себя: там из смелости, здесь из стыда.

Ганнибал метался по Италии, со всех сторон теснимый римскими войсками. Когда он звал их на бой, они не принимали боя; когда он шел прочь, они преследовали его по пятам. В 211 году до н. э. он внезапно появился под самыми стенами Рима. Но и здесь он не добился большого сражения. Его лагерь был раскинут в поле, в миле от города. Римляне в насмешку объявили заочную продажу этого поля с торгов, и поле было куплено по обычной цене мирного времени. В ответ раздраженный Ганнибал объявил заочную распродажу лавок на римском форуме, но покупателей не нашлось. В победу над Римом никто уже не верил.

Ганнибала еще могли спасти подкрепления. Но из Карфагена подкреплений не было: Ганнибала любил карфагенский народ, но не любил карфагенский сенат, боявшийся его больше, чем римлян.

— Если он победитель, пусть сам себе поможет, — говорили сенаторы.

Из Испании подкреплений тоже не было: там Гасдрубал, брат Ганнибала, сам с трудом отбивался от наступающих римлян. Наконец Гасдрубал ускользнул от неприятеля, оставив Испанию в добычу римлянам, и спешно двинулся через Пиренеи и Альпы в Италию, на помощь брату. На пороге Италии, на реке Метнер, его встретили два войска двух консулов. Карфагеняне

были разбиты. Голову Гасдрубала на копье перебросили в лагерь Ганнибала.

Прошло еще четыре года, и Ганнибал получил из Карфагена приказ вернуться в Африку: римляне уже были там и грозили Карфагену. Ганнибал вынужден был в 207 году до н. э. покинуть Италию, где воевал пятнадцать лет, не потерпев ни одного настоящего поражения.

— Не римское войско меня победило, а карфагенский сенат, — горько сказал он. — Ганнон не смог погубить наш род и теперь хочет похоронить его под развалинами Карфагена.

АРХИМЕД И КОНЕЦ СИРАКУЗ

Рим сражался с Карфагеном на трех театрах военных действий. Первым была Италия, вторым — Испания, третьим была Сицилия. Здесь Сиракузы, до сих пор искусно лавировавшие между Римом и Карфагеном, наконец решительно примкнули к последнему. Римляне направили в Сицилию Марцелла. Он быстро разбил врага и осадил Сиракузы. Но осада неожиданно оказалась долгой и трудной.

В Сиракузах жил величайший математик древности Архимед. Что он сделал для развития математики, расскажут историки этой науки. Народ знал об этом мало и все-таки слагал об Архимеде легенды. О нем ходило больше анекдотов, чем о любом другом ученом древности.

Это он, говорят, так был поглощен своей наукой, что забывал есть, пить и мыться; когда он сидел перед очагом, то чертил круги и треугольники прутом по золе; когда был в бане — чертил пальцем на своем намазанном маслом теле.

Это он, говорят, однажды выскочил из ванны и голый побежал по улицам Сиракуз, крича: «Нашел! Нашел!» (по-гречески: «Эврика! Эврика!»). Дело было вот в чем. Сиракузский царь Гиерон получил от золотых дел мастера золотой венец и хотел проверить, не подмешал ли тот в золото более дешевого серебра. Нужно было сравнить объемы венца и куска чистого золота с тем же весом. Архимед, опускаясь в наполненную до краев ванну и видя, как переливается через край вытесняемая вода, вдруг понял, что именно так можно легко измерить объемы двух тел разной формы.

Это Архимед, говорят, построил для Гиерона машину с такой системой рычагов, что один, сидя в сторонке и поворачивая ручку, спустил на воду огромный корабль. Этот корабль был построен для Птолемея Египетского, и все жители Сиракуз, впрягшись вместе, не могли его сдвинуть с места. Гиерон был в восторге. Архимед скромно сказал:

— Дай мне только, где стать, и я тебе сдвину землю.

Когда к Сиракузам подступили римляне, Архимед построил для сограждан

небывалые военные машины. Это были баллисты, метавшие камни на неслыханные расстояния; это были подъемные краны с крючьями, которые дотягивались до римских кораблей и топили их в гавани. В греческих мифах был сторукий гигант Бриарей. «Бриареем от геометрии» называл Архимеда Марцелл. А солдаты Марцелла в ужасе разбежались, когда над стеной осажденного города показывалась какая-нибудь веревка или бревно:

— Это Архимед выдумал новую машину на нашу погибель!

Наконец в 212 г. до н. э. Сиракузы пали. Началась резня и грабеж. Римский воин ворвался к Архимеду. Тот сидел в саду и чертил тростью по песку круги и треугольники. Он поднял голову и сказал солдату:

— Не наступи на мой круг.

Воин понял, кто перед ним, и хотел отвести ученого к Марцеллу. Архимед сказал:

— Погоди. Я только кончу решение.

Солдат не привык к таким ответам — он зарубил ученого.

На могиле Архимеда по его завещанию вместо памятника было поставлено изображение цилиндра с вписанным в него шаром и указано открытое ученым соотношение их объемов — 3:2. Полтора столетия спустя, когда Цицерон был чиновником в Сицилии, он еще видел этот памятник, забытый и заросший терновником.

Говорят, Марцелл плакал, глядя, как его солдаты разоряют прекрасный греческий город. Через два года жители Сиракуз пожаловались сенату на жестокость Марцелла, но сенат оправдал его. Тогда сиракузские послы бросились к ногам Марцелла, умоляя наказать их, но пощадить сограждан. Марцелл простил их. Сиракузяне постановили надевать венки и приносить жертвы всякий раз, как Марцелл или кто-нибудь из его потомков придет в Сицилию.

СЦИПИОН СТАРШИЙ, ПОБЕДИТЕЛЬ ГАННИБАЛА

Полководцем, который закончил Вторую Пуническую войну, был Публий Корнелий Сципион. Он освободил от карфагенян Испанию, он перенес войну в Африку, он, единственный из римлян, в открытом бою разбил Ганнибала.

Это был человек нового в Риме склада. Кроме твердости, простоты и отваги, он обладал духовной культурой: благородством, мягкостью, уважением к науке и искусству. Его идеалом был Александр Македонский. Он первым из римлян стал брить бороду, подражая своему герою. Перед каждым большим предприятием он шел в храм Юпитера и подолгу сидел там, чтобы люди думали, что сам бог руководит его начинаниями.

В 221 году до н. э. в Испании погибли отец и дядя Сципиона, командовавшие римским войском. Он пришел в народное собрание и вызвался их заменить. Но народ сомневался, он был слишком молод, ему было всего двадцать четыре года. Первые голосующие подали голос не за него, а за его соперников. Тогда соперники сами отказались от своих притязаний и стали убеждать народ голосовать за Сципиона. Так он был избран.

В Испании он осадил главный оплот врага — город Новый Карфаген. Город был надежно прикрыт лагуной, но она мелела при отливе. Сципион воспользовался этим: он дождался отлива и повел войска вброд:

— Сам Нептун указывает нам путь! Город был взят.

Ему привели в подарок пленницу — небывалой красоты испанку. Он сказал:

— Я взял бы ее, будь я солдатом, а не полководцем. Оказалось, что у девушки был жених — знатный

испанский юноша Аллуций. Сципион пригласил его к себе и отдал ему невесту. Родители девушки принесли ему большой выкуп — он подарил его молодоженам в приданое. Аллуций стал верным союзником Рима. В московском Музее изобразительных искусств висит большая картина Пуссена, французского живописца XVII века, «Великодушие Сципиона»; она изображает именно эту сцену.

Покорив Испанию, Сципион пошел на Африку. Сенат не хотел рисковать и не дал ему войск. Сципион объявил набор добровольцев, и скоро у него было семитысячное войско. Перед переправой его спросили, почему он так уверен в успехе. Он ответил:

— Вот башня над портом, вот триста моих солдат, и каждый из них бросится с этой башни по одному моему слову.

В Африке у него уже были союзники. К западу от Карфагена лежала область Нумидия. Там правили два царя — Сифакс и Массинисса. Друг друга они ненавидели. Они спорили за власть и за любовь прекрасной карфагенской девушки Софонисбы. Она любила Массиниссу, однако ее отец рассудил, что Сифакс сильнее и союз с ним выгоднее. Софонисбу выдали за Сифакса. Массинисса, мечтая о мести, тотчас перешел на сторону римлян. Сципион отблагодарил его: как только его войско высадилось в Африке, он ударил на Сифакса, захватил его в плен и отдал его царство Массиниссе. Тот был рад не столько царству, сколько Софонисбе, которую он любил и которая стала наконец его женой. Но Сципион был недоволен. Он опасался, что нумидиец ради любимой женщины помирится с Карфагеном.

Он вызвал Массиниссу к себе:

— Ты был со мной в Испании, ты знаешь, что выше храбрости в бою для

меня воздержанность в наслаждении. Будь, как я, откажись от Софонисбы, отдай ее римскому народу Массинисса помрачнел: он знал, что ждет карфагенянку у римлян. Ослушаться он не мог, но с верным рабом послал жене кубок с ядом:

— Вспомни об отце, об отечестве, о двух царях, за которыми ты была замужем, и сама реши свою судьбу.

Софонисба без колебаний выпила яд и упала мертвой. Массинисса и Сципион остались союзниками, но друзьями больше не были никогда.

Ганнибал был разбит при Заме, небольшом городке в пяти днях пути до Карфагена. Это было его первое и последнее поражение в большой битве. Карфаген попросил мира, который и был подписан в 201 г. до н. э. Сципион отпраздновал триумф. Народ дал ему почетное прозвище Африканский, сенат назначил огромную награду. День был праздничный, казна была заперта, казначеи не хотели ее открывать.

— Открою сам, — сказал Сципион. — Она заперта, потому что это я ее так наполнил.

Говорят, что лет через десять Ганнибалу и Сципиону довелось встретиться лицом к лицу. Это произошло при дворе сирийского царя Антиоха: Ганнибал был у Антиоха военным советником, Сципион — римским послом. Сципион спросил Ганнибала:

— Кто, по-твоему, самый великий полководец в мире?

Ганнибал ответил:

— Первый — Александр Македонский, второй — Пирр Эпирский, третий — я.

Сципион не ждал такого ответа.

— А что бы ты сказал, если бы я не разбил тебя при Заме?

— Тогда я назвал бы первым себя..

РИМ ПОВОРАЧИВАЕТ НА ВОСТОК

После подчинения Карфагена уже никому не стыдно было подчиняться», — пишет римский историк. Чтобы разбить Карфаген во Второй Пунической войне, Риму понадобилось шестнадцать лет, и только двенадцать лет (200—188 года до н. э.) понадобилось после этого, чтобы разбить Македонию, разбить Сирию и принять под свое покровительство Египет.

Героем этой последней войны был Тит Фламиний. После Сципиона это второй в Риме политик нового склада: благородный, честолюбивый, образованный, говорящий по-гречески, как грек, и умеющий побеждать и оружием, и убеждением. Греция была для него не только театром военных

действий, но и сокровищницей драгоценной культуры. В Македонии правил Филипп Пятый, о котором говорили, что он хорош в беде и невыносим в удаче, в Сирии — Антиох Третий, преждевременно прозванный Великим. В борьбе Рима и Карфагена они сочувствовали Карфагену: Филипп помогал Ганнибалу войсками, Антиох принял Ганнибала, когда тому пришлось бежать из Карфагена. Теперь Рим встретился с ними лицом к лицу.

Римляне вступили в Грецию в 200 г. до н. э. Они шли мерными переходами; на каждой ночевке они раскидывали квадратный лагерь, укрепленный, как город, с прямыми улицами между палаток. Сражались они непривычно для греков: не сплошными фалангами, а тридцатью отрядами, наступавшими в шахматном порядке. Вдобавок к обычному оружию у каждого воина был тяжелый дрот и, начиная бой как легковооруженный, он продолжал его как тяжеловооруженный. Выдержать такой удар было труднее.

Битва с Филиппом произошла в 197 году до н. э. в Фессалии. Она завязалась неожиданно. По равнине тянулась гряда холмов, носившая название Киноскефалы — Собачьи головы (по-гречески «киносы» — собаки). По одну сторону холмов заночевали римляне, по другую — македоняне. Сами не зная того, они провели ночь в полчасе друг от друга. Наутро и Фламинин, и Филипп выслали передовые отряды занять холмы. В утреннем тумане эти отряды столкнулись на холмах, произошла стычка, стали подходить подкрепления. Македонской фаланге трудно было держать строй среди холмов, она дрогнула, ряды смешались. Победа осталась за римлянами. Филипп запросил мира.

Греки радовались поражению македонян. Фламинин воспользовался этим. Власть Филиппа в Греции держалась на трех крепостях — Деметриаде, Халкиде и Коринфе. Их называли «оковами Греции». По мирному договору Филипп освобождал эти крепости, а Фламинин их занимал. Греки роптали:

— Рим снял оковы с наших ног и надел их на шею. Фламинин добился у сената позволения вывести

войска из крепостей, оставив Грецию свободной. Народ собрался в Коринф на Истмийские игры. Здесь, в промежутке между состязаниями, римский глашатай объявил: отныне Греция свободна от гарнизонов и налогов. Люди не верили своим ушам, объявление пришлось повторить. Тогда раздался такой крик ликования, что птицы над стадионом замертво падали в толпу. Фламинина, освободителя Греции, стали чтить как бога: даже 300 лет спустя еще стояли храмы, посвященные «Аполлону и Фламинину».

В Греции жило немало рабов-римлян. Это были каннские пленники, которых сенат не пожелал выкупить и которых карфагеняне продали в рабство. Греки сами выкупили их у хозяев и подарили Фламинину. Он провел их в

триумфе: 1200 человек в войлочных колпаках освобожденных рабов. Народ рукоплескал.

За войной с Филиппом последовала война с Антиохом. Царские послы стращали греков, перечисляя роды пеших и конных царских войск.

— Не пугайтесь, — сказал Фламинин, — есть много кушаний из одного мяса под разными соусами; так и это все одни и те же сирийцы, только с разным вооружением.

Военным советником у Антиоха был Ганнибал. Тщеславный царь устроил перед ним парад своих войск: пехоты, конницы, колесниц, слонов. Они шли в золоте, серебре, в значках, украшениях, бляхах.

— Как ты думаешь, достаточно этого будет для римлян?

— Достаточно, — отвечал Ганнибал, — хотя римляне и очень жадные.

Он понимал, что для римлян это войско будет не противником, а добычей.

В 190 г. до н. э. Римская армия переправилась через Геллеспонт и вступила в Малую Азию, многие области которой подчинялись Антиоху. Война продолжалась четыре года. В решающей битве Антиох потерял 50 000 человек, римляне, по их словам, — 300. Заклячая мир, римляне потребовали выдать Ганнибала. Ганнибал бежал к вифинскому царю Пруссию, который воевал с пергамским царем, союзником римлян. В морском бою Ганнибал помог Пруссию одержать победу, посоветовав забросать вражеские корабли горшками с ядовитыми змеями. К Пруссию отправили Фламинина. Царь не захотел ссориться с Римом и согласился выдать Ганнибала. Тот жил в укрепленном замке с семьей потайными выходами. Однажды он увидел, что все семь выходов заняты стражей. Он понял, что это конец.

— Ну что ж, — сказал он, — если римляне не могут дождаться, пока старик-изгнанник умрет своей смертью, надо им помочь.

Он проглотил яд, который всю жизнь носил в своем перстне, и упал мертвый. Это произошло в 183 году до н. э.

КОНЕЦ МАКЕДОНИИ

Македония была разбита, но не добита. Филипп Пятый копил силы для ответного удара. Но среди военных приготовлений он умер. Вести войну пришлось его сыну Персею. Как и отец, он ненавидел Рим и был неплохим полководцем. Но он был скуп и малодушен. Он мог довести дело до решительной минуты и вдруг отступить. Войну он проиграл.

Победителем Персея был римский консул Эмилий Павел, сын того Эмилия Павла, который пал в битве при Каннах. После Сципиона и Фламинина он был третий в Риме, кто любил и чтит греческую культуру. В то же время он был

по-римски строг. От солдат он требовал только трех вещей: сильного тела, острого клинка и готовности к бою. «Все остальное, — говорил он, — дело начальника». Он приказал часовым дежурить ночью без щитов, чтобы страшнее было заснуть.

Решающая битва произошла в 168 году до н. э. при городе Пидне, у подножия Олимпа. В ночь перед боем ожидалось лунное затмение. Эмилий приказал созвать сходку, предупредить солдат и объяснить им, отчего бывает затмение. Солдаты смотрели на темнеющую луну и дивились мудрости полководца. А для македонского войска затмение было неожиданностью, воины приняли его за дурное знаменье, не спали всю ночь и утром вышли на бой мрачные и усталые.

Весть о победе при Пидне чудом достигла Рима в тот же день. Так, говорят, когда-то о победе при Платеях в тот же день узнали на противоположной стороне Эгейского моря, на побережье Малой Азии у мыса Микале. Так же, говорят, после победы римлян над Тарквинием и латинами в Риме видели братьев-богов Диоскуров, прохаживавших лошадей; они приказали встречному юноше Домицию сообщить в сенат о победе, а для подтверждения коснулись его бороды, и она из черной стала рыжей. От этого Домиция потом пошел знатный род Агенобарбов — «рыжебородых»; к этому роду, между прочим, принадлежал император Нерон. Но это уже не относится к битве при Пидне.

Персей спасся, переодевшись простым всадником. Друзья от него отстали: у кого развязался башмак, у кого перегорячился конь... Только двое остались с царем и решились обратиться к нему с советами; царь убил их кинжалом. Римляне настигали. Персей бежал под защиту чтимого храма на острове Самофракии. Здесь он сдался Эмилию Павлу, взяв с того клятву, что его не казнят. Эмилий протянул ему руку. Персей хотел броситься к его ногам.

— Остановись! — крикнул Эмилий. — Не заставляй меня думать, что ты сам заслужил свое несчастье своим малодушием.

Солдаты не хотели просить для Эмилия триумфа: его не любили за строгость и надменность.

— Тем больше чести для полководца, который сумел победить с таким войском, — сказал сенат и назначил триумф.

Победное торжество продолжалось три дня. Такой богатой добычи Рим еще не видел. В первый день везли на 250 телегах статуи и картины греческих мастеров. Во второй день несли захваченное оружие и 750 бочек с серебряными деньгами. В третий день вели 120 жертвенных быков с вызолоченными рогами, несли 77 бочек с золотыми деньгами и дорогое убранство царского двора. Несли также священную чашу, отлитую по приказанию Эмилия из чистого

золота и украшенную драгоценными камнями — весу в ней было 10 талантов. На простой телеге везли оружие и диадему Персея, за ней шли, горько плача, царские дети с толпой наставников, а за ними, в темном платье, с немногими друзьями, бесчувственный от горя царь Персей. Наконец, на колеснице, в пурпуровом плаще и с лаврами в руке ехал Эмилий. Перед колесницей несли 300 золотых венков — дары от Греции, а за колесницей шло войско, отряд за отрядом, распевая победные песни.

Вся добыча пошла в казну. Она была так огромна, что с этих пор Рим навсегда перестал собирать налоги с римских граждан. Себе Эмилий Павел оставил только ворох свитков греческих книг — библиотеку царя Персея.

Персей умолял Эмилия избавить его от позора триумфального шествия.

Эмилий ответил:

— Избавиться от этого всегда в твоей власти.

Но трусливый царь не решился на самоубийство.

Клятва не позволяла римлянам казнить Персея. Его посадили умирать медленной смертью в самую вонючую римскую темницу. Узнав об этом, Эмилий упрекнул сенат. Персея перевели в другую тюрьму. Здесь его затравили солдаты: толчками и ударами они не давали ему спать; через несколько суток без сна он умер. Два его сына умерли вместе с ним. Третий остался жив; потом он служил писцом в городе Альбе и за красивый почерк был, говорят, на хорошем счету у начальства.

КАТОН СТАРШИЙ

Перед нами прошли три полководца, три политика нового склада, которые с суровостью соединяли мягкость, с римской мощью — греческую образованность, с заботой о государстве — заботу о собственной славе: Сципион, Фламинин, Эмилий Павел. Теперь нас ждет человек, который всю жизнь был их противником, который словом и делом неустанно отстаивал древние римские доблести — простоту и строгость. Это Марк Порций Катон.

В молодости он служил в войске Фабия Медлителя и благоговел перед ним. Потом он участвовал в африканском походе Сципиона. Щедрость Сципиона казалась ему мотовством. Он сделал ему замечание. Тот ответил:

— Рим с нас потребует счет не денег, а побед! Вернувшись в Рим, Катон привлек Сципиона к

суду, но безуспешно.

Растущая роскошь казалась ему источником всех бед. Он говорил:

— Не спасись городу, где вкусная рыба стоит дороже рабочего быка.

Народ требовал внеочередных раздач хлеба. Катон начал речь к народу так:

— Трудно, граждане, говорить с желудком, у которого нет ушей...

Один лакомка навязывался к нему в друзья. Катон ответил:

— Никогда не будет моим другом человек, у которого язык чувствительней, чем сердце.

Единственным честным образом жизни был для него крестьянский труд. Его спросили:

— Что приносит лучший доход?

— Хорошее поле.

— А потом?

— Поле похуже.

— А потом?

— Плохое поле.

— А ростовщичество? — спросили его.

— А разбой на большой дороге? — ответил он вопросом на вопрос.

Сам он пахал и жал в поле рядом со своими рабами, зимой в рубахе, летом полуголый, ел и пил то же, что они. В обращении с рабами он был бессердечен: кормил их как можно меньше, выжимал из них как можно больше, ослабевших или состарившихся сбывал с рук, как сносившуюся вещь. Стены в его домах были неоштукатуренные, из голых кирпичей. В Риме начиналась мода на сады — он говорил, что земля ему нужна, чтобы на ней сеять и пасти, а не чтобы ее подметать и поливать.

В походах он был неутомим. Он предупреждал:

— Старые подвиги надо прикрывать новыми, чтобы не испарилась слава.

А о солдатах говорил:

— Мне не нужны такие, которые в походе дают волю рукам, а в бою — ногам и у которых ночной храп громче, чем боевой клич.

После одной победы он роздал всем воинам из добычи по фунту серебра:

— Пусть лучше многие вернуться с серебром, чем немногие с золотом.

Греков он ненавидел за то, что они приносят в Рим изнеженность и роскошь. Он издевался над философами, которые до седых волос искали новых и новых знаний:

— Перед кем хотят они блеснуть ученостью? Перед Миносом в Аиде?

В Рим прибыли послами по какому-то делу три греческих философа. Один из них, Карнеад, был лучшим диалектиком своего времени. Однажды он произнес речь о том, что справедливость прекрасна. Ему рукоплескали. На следующий день он прочитал лекцию о том, что справедливость ничтожна, жалка и мнима. Ему рукоплескали еще громче. Катон заявил в сенате, что надо

как можно скорее решить дело и отправить послов, иначе Рим забудет, что он Рим. В Риме много лет жила тысяча греков-заложников, взятых после битвы при Пидне. В живых осталось уже немного. Они просили вернуть их на родину. Сенат спорил. Катон сказал:

— Разве нет у нас дел важнее? Не все ли равно, кто похоронит кучку дряхлых греков — наши могильщики или ахейские?

Среди этих заложников был знаменитый историк Полибий. Он просил вернуть изгнанникам их почетные должности. Катон с ласковой улыбкой произнес:

— Как, по-вашему, если Одиссей забыл в пещере циклопа шляпу и кошелек, станет ли он возвращаться за ними?

В Риме уже были свои историки, но писали они по-гречески: латинский язык был еще груб и не разработан. Один из этих историков извинялся в предисловии за возможные ошибки в греческом языке. Катон сказал:

— Зачем извиняться за ошибки, когда можно их не делать? Кто неволит тебя писать по-гречески?

Сам Катон написал первую историю Рима на латинском языке. Он писал ее во славу римского народа, а не во славу честолюбивых полководцев — поэтому в ней не упоминалось имен: не «Сципион пошел на Африку...», а «римское войско пошло на Африку...». Однако не забыл упомянуть имя слона, на котором ехал Ганнибал. Слона звали Сур, и один клык у него был выщерблен.

КАТОН-ЦЕНЗОР

В нашем представлении это человек, который проверяет издаваемые книги: нет ли в них недозволенного для печати. В Древнем Риме значение этого слова было другим. Цензорами назывались должностные лица, составлявшие списки двух высших сословий Рима — сенатского и всаднического. Они были блюстителями порядка и добронравия. Это была должность, будто специально созданная для Катона. Его избрали цензором, когда ему было 50 лет, и полтора года его цензорства (184—183 года до н. э.) запомнились Риму надолго.

С Катонем нельзя было шутить. Во время проверки сословия всадников он задал кому-то положенный вопрос:

— Имеешь ли ты жену по твоей воле? Всадник пошутил:

— По моей воле, да не по моему вкусу.

Катон разжаловал его за непочтительный ответ. Другому всаднику сделали замечание: сам он был толст, а конь тощ. Толстяк объяснил:

— Это потому что о себе забочусь я сам, а о коне — мой раб.

Его тоже разжаловали.

Сенатора Манилия Катон исключил из сената за то, что он поцеловал жену в присутствии дочери. Сам Катон позволял жене обнимать его только во время грозы, когда ей было страшно.

Честолюбцев Катон презирал. О тех, кто вечно искал государственных должностей, он говорил:

— Они не могут ходить без ликторов, потому что боятся заблудиться.

Но главными врагами Катона оставались три сенатора, которых мы знаем: Сципион, Фламинин и Эмилий Павел.

Эмилий Павел получил замечание за развод с женой. Развод в Риме был делом новым. Первым дал развод жене Спурий Карвилий за ее бездетность. Потом пошли другие причины. Гай Сульпиций дал развод жене за то, что она появилась на людях с непокрытой головой; Квинт Антистий — за то, что она при всех беседовала с вольноотпущенницей; Публий Семпроний — за то, что она без его ведома смотрела на бой гладиаторов. Эмилий Павел первый развелся с женой, не объявив причины. Этому удивлялись: Папирия была хороша собой и добродетельна. Эмилий показал на свою ногу:

— Этот башмак и красивый, и новый, но никто не знает, где он мне жмет.

Катон за это едва не исключил его из сената.

У Фламинина был брат Луций, командовавший войском в северной Италии. У этого брата был в свите любимец-мальчик. Однажды на пиру мальчик пожаловался, что, торопясь на пир, он ушел с боя гладиаторов и не видел, как умирают люди. Чтобы мальчик не горевал, пьяный Луций велел кликнуть кого-нибудь из пленников и тут же, на пиру, казнить его. Катон исключил его из сената.

От Сципиона Катон требовал отчет в расходах по войне с Антиохом Сирийским. Сципион принес в сенат свои счетные книги и гордо разорвал их:

— Мне стыдно отчитываться в четырех миллионах, когда я внес в казну четыреста миллионов.

Сенат рукоплескал. Через несколько лет Катон снова призвал Сципиона к ответу. Тот пришел в народное собрание и сказал:

— Римские граждане, сегодня — годовщина моей победы над Ганнибалом; не будем заниматься склоками, а лучше пойдем возблагодарим богов за их милость к Риму и помолим их и впредь давать Риму таких полководцев, как я.

Он направился в храм Юпитера, и за ним весь народ. На площади остались одни глашатаи, тщетно звавшие обвиняемого к ответу. Но после этого оскорбленный Сципион уже не появлялся в сенате и народном собрании. Он замкнулся у себя в поместье и скоро умер, говорят, в тот же год, когда в далекой Азии принял яд его величайший противник Ганнибал.

Впрочем, Катон и сам не знал покоя от врагов. Его привлекали к суду

сорок четыре раза, и каждый раз он уходил оправданным. В последний раз это было, когда ему исполнилось 87 лет. Он сказал:

— Тяжело, когда жизнь прожита с одними, а оправдываться приходится перед другими.

Кто-то при нем рассказывал, сколько памятников знаменитым людям стоит в греческих городах, Катон сказал:

— А по мне, пусть лучше спрашивают, почему Катону не поставили статую, чем — почему ее поставили.

КОНЕЦ КАРФАГЕНА

После победы над Ганнибалом прошло около пятидесяти лет. Карфаген оправился от поражения. Воевать он не мог: с суши за ним бдительно следил Массинисса, с моря — Рим. Но он мог торговать и потому богател. В Риме все чаще задумывались о том, что, пока цел Карфаген, Рим не может быть спокоен.

За войну с Карфагеном стоял Катон. Ему случилось побывать в Африке, чтобы уладить какой-то спор Карфагена с Массиниссой. Процветание Карфагена потрясло его. Выступая в сенате после возвращения, он протянул сенаторам горсть фиг:

— Свежие они?

Фиги были прекрасны.

— А они сорваны в Африке. И вас не тревожит, что в трех днях езды от вас есть край, где рождаются такие фиги?

После этого любую свою речь в сенате — о галльских раздорах, о женских нарядах, о межеваниях, о водопроводах, о чем угодно — Катон неизменно заканчивал словами:

— Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен.

Против войны с Карфагеном стояли Сципионы, Эмилии и их друзья. Они напоминали: вот уже сто лет воюет Рим с Карфагеном, Македонией, Сирией, и сто лет не слышно в Риме о борьбе сословий — патрициев и плебеев, бедных и богатых. Страх перед внешним врагом объединяет народ. Если разрушить Карфаген — страха не будет, единодушия не будет, внешние войны кончатся, междоусобные начнутся, и Рим падет, погубив сам себя. Но сенат не привык загадывать так далеко. Враг был рядом, с ним надо было покончить. Третья Пуническая война приближалась.

Силы были неравны: это была не война, а расправа. В 149 г. до н. э. Карфаген без разрешения римлян начал войну с Массиниссой; Рим двинул войска на Африку. Карфагеняне попросили мира на любых условиях — от них потребовали 300 заложников. Карфагеняне дали заложников — от них

потребовали выдать все оружие. Они выдали оружие — им объявили, что Карфаген должен быть разрушен, а жители переселены за две мили от моря. Тут терпение карфагенян кончилось; пришли отчаяние и ярость. Днем и ночью ковали новое оружие, строили боевые машины; мужчины ломали государственные дома на камни и бревна, женщины обрезали косы на тетивы к баллистам. Когда римское войско не спеша подошло к Карфагену, вместо безоружного города оно увидело неприступную крепость. Началась осада, которая только благодаря отчаянному мужеству карфагенян затянулась на три года.

Разорителем Карфагена стал тот, кому больше всех хотелось его сохранить — Публий Корнелий Сципион Эмилиан Младший. Он был наследником обоих полководцев, учивших Рим человечности. Его отцом был Эмилий Павел, а приемным отцом — сын Сципиона Африканского. В Риме часто так делали: чтобы скрепить дружбу двух родов, человек из одного рода усыновлял юношу из другого рода. Свою молодость Сципион Эмилиан провел над греческими книгами; его другом был историк Полибий, один из ахейских заложников. Но когда от книг он пошел на войну, то показал себя таким отличным воином и полководцем, что народ вне очереди выбрал его консулом и поручил ему войну с Карфагеном.

В осажденном городе свирепствовали голод и болезни. Начальника карфагенян звали, как когда-то Ганнибалова брата, Гасдрубал. Он обещал сдачу и подчинение, если Карфаген не будет разрушен. Но сенат был тверд. Сципион мог обещать Гасдрубалу только свободу и безопасность для него и его друзей. Гасдрубал отказался:

— Если город погибнет, с ним погибну и я.

Начался приступ. Римляне пробили стену. Каждый дом защищался, как крепость. Шесть дней и шесть ночей римские солдаты прорубались вперед по улицам и крышам. Последние из осажденных заперлись в храме и там сожгли себя. Гасдрубала среди них не было: в последнюю минуту он оробел и с мольбой о пощаде явился к Сципиону. Жена и друзья проклинали его со стен горевшего храма. Он шел в триумфе Сципиона и умер в Италии пленником.

Сципион запросил сенат, что делать с захваченным городом. Пришел ответ: сровнять с землей и перепахать плугом, чтобы место это было проклято навсегда. Город подожгли. Он горел семнадцать дней.

Будет некогда день — и погибнет священная Троя. С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.

— О чем ты думаешь? — спросил его Полибий. Сципион ответил:

— Я думаю, что когда-нибудь вот так же погибнет и Рим.